

РЕКВИЕМ ПО ВЫСОЦКОМУ

Annotation

Впервые в истории литературы женщина-поэт и прозаик посвятила книгу мужчине-поэту. Светлана Ермолаева писала ее с 1980 года, со дня кончины Владимира Высоцкого и по сей день, 37 лет ежегодной памяти не только по датам рождения и кончины, но в любой день или ночь. Больше половины жизни она посвятила любимому человеку, ее стихи — реквием скорбной памяти, высокой до небес. Ведь Он — Высоцкий, от слова Высоко, и сей час живет в ее сердце. Сны, где Владимир живой и любящий — нескончаемая поэма мистической любви. Слава Богу, что в ее снах они встречались и любили друг друга... Так и проходила жизнь в неизбывной боли и страдании по несбывшемуся.

- [Светлана Ермолаева](#)
 - [К читателю](#)
 - [Панегирик](#)
 -
 - [Моя исповедальная любовь](#)
 - [Избранные стихи из трех книг Памяти Владимира Семеновича «Мой Высоцкий» \(1990, 2003 и 2008 годы\), отдельные стихи положены на музыку композитором Норланом Сеитовым, а также стихи из сборника «Черный ангел» \(1997 год\)](#)
 - [Будет воскресенье](#)
 - [К мертвому — странная тяга...](#)
 - [Я по тебе тоскую бесконечно...](#)
 - [Пламя погасло](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [Похороны](#)

- [С того света нет поездов...](#)
- [Распяли — в сорок два](#)
- [Потому что любил](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
- [Боготворю твой голос, твои песни...](#)
- [Это бред какой-то?.. Или сон?](#)
- [Душа не верит](#)
- [А любимый мой ушел в мир иной...](#)
- [Зачем эти тонкие свечи?](#)
- [От имени ВВ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
- [Кони](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
- [Зачем же душу.](#)
- [Ты не любил](#)
- [За что мне — такая мука?](#)
- [25 июля 1981 года](#)
- [Песенка нечисти](#)
- [ВВ](#)
- [На Ваганьковском кладбище 13 декабря 1983 года](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
- [Три стихотворения о любви](#)
 - [Только ты](#)
 - [Все строки мои к тебе](#)
 - [Но в душе только ты](#)
- [25 июля 1983 года](#)
- [25 января 1984 года](#)
- [25 июля 1984 года](#)

- [Быть!](#)
- [По чьей вине?](#)
- [25 января 1985 года](#)
- [Церковь Воскресения. Ваганьковское](#)
- [25 января 1986 года](#)
- [25 января 1988 года](#)
- [25 июля 1990 года](#)
- [25 января 1991 года](#)
- [Из сборника «Черный ангел», 1997 год](#)
 - [1. Ода водке](#)
 - [2. Кони — в такт](#)
- [Продолжая ВВ](#)
- [Монолог Жеглова](#)
- [25 января 1998 года](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
- [О скитальце одном](#)
- [К России](#)
- [Звезда\[2\] Высоцкого](#)
- [Срок жизни увеличился](#)
- [Еще один покинул строй](#)
- [Живем хорошо](#)
- [На книгу «Нерв»](#)
- [Высоцкий — с того света](#)
- [«Шел всегда я до конца...»](#)
- [25 января 2003 года](#)
- [ВВ — по-прежнему любимому](#)
- [Мои похороны](#)
- [Свято место не будет пустым](#)
- [Жизнь после смерти или Сновидения о Высоцком](#)
 -
 - [Из первого сборничка «Мой Высоцкий», 1990 г](#)
- [Проза. Воспоминания. Размышления](#)

- Герой нашего времени
- 10 дней, которые потрясли Алма-Ату
 -
 - Встреча первая
 - Встреча вторая
 - Анатолий ПУРИЦ
 - Продолжение воспоминаний Валерия Новикова
 - Встреча третья
 - Встреча четвертая
 - Встреча пятая (в Москве).
 - Встреча шестая (там же).
- По поводу концерта памяти Высоцкого «Своя колея», 25 января 2016 года на сцене театра на Таганке и в октябре того же года в филармонии города Алма-Ата Республики Казахстан
 - В Москве
 - В Алма-Ате
- Дух Высоцкого из мира неприкаянных душ
 - Предисловие
 - Записано медиумом по имени Майя 18-19.11.13 г
 - «Вы, черти, не заглядывайте к Богу!...»
 - «Я не могу найти смирения у Бога...»
 - «Мне не найти покоя после смерти...»
 - «Я всегда искал места приятные...»
 - Чете двух гениев
 - «Я dna не вижу в чертовой бутылке...»
 - «Что, люди, вам для счастья надо?...»
 - «Я гитару возьму семиструнную...»
 - «Часто был при жизни я в депрессиях...»
 - «Я при жизни спорил очень часто...»
 - «Тихо скрипнула дверь в тишине...»
 - «Я ненавижу сплетни в виде версий...»
 - Мои стихотворения от имени Высоцкого

- [Обращение к духу Высоцкого](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [«Жвачные коровы, а не русский люд...»](#)
- [Прощание](#)
 - [«Двадцатый век прошел...»](#)
 - [«Володя! Ты был вихрем...»](#)
 - [Юбилейное, 70 лет, от имени ВВ](#)
 - [Жив твой дух, Володя!](#)
 - [«Как по мне мятежный дух...»](#)
 - [«Никому не нужна, так какого рожна...»](#)
 - [«Ты и мертвый не даешь покоя...»](#)
 - [Три стихотворения](#)
 - [Не снись, Володя](#)
 - [Привет от зечки Люськи](#)
 - [Попытка ревности](#)
 - [О фильме «Спасибо, что живой»](#)
 - [Вместо рецензии на телефильм «Есенин» от имени и по поручению из бессмертия — Сергей Есенин](#)
 - [Обида](#)
 - [Зарождение любви](#)
 - [Книга первая. Райская жизнь](#)
 - [«Ты позвал меня, и я пошла...»](#)
- [Послесловие](#)
 - [Интерпретация статьи «Любимов лицом к стенке»](#)
 - [Сергей Баймухаметов](#)
 - [Отзыв о моем самом первом сборничке «Мой Высоцкий»](#)
- [О книге](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

Светлана Ермолаева

Реквием по Высоцкому

*К 80-летию со дня рождения. 1938-
2018 годы*

К читателю

Владимир Высоцкий — в моей душе, уме и творчестве с весны 1980 года, именно тогда я увидела его во сне, и он сказал мне: «Жаль, что мы никогда не встретимся». Я не поняла, почему, но стала вдруг думать о нем. До этого была маленькая заигранная пластинка «Кони привередливые» и другие песни. Был спектакль театра на Таганке в 1976 году во Дворце им. Ленина (ныне Республики) — «Добрый человек из Сезуана», где Высоцкий играл летчика.

Он тогда во время действия шел между рядами в черной водолазке, в черных брюках, играл на гитаре и пел. Вдруг посмотрел прямо на меня и подмигнул. Я сидела в крайнем кресле. Была молода и привлекательна. Спектакль продолжался, я ловила каждое его слово, очень хотелось увидеть его ближе, а, набравшись смелости, и познакомиться...

Но с чем бы я пришла к нему? С жалкими страничками своих стихов? С объяснением в любви? Но любовь, по-видимому, только зарождалась. Театр уехал, и встреча не состоялась. Но образ его — во всем черном — запечатлелся в памяти.

И вот май, 1980 год, и сон, и неотвязные мысли о совершенно незнакомом мне человеке, но уже лет пять как существующем в моем подсознании, почти без моего ведома. А, может, душа моя потянулась к родственной душе, ведь я была очень одинока в те годы. Так или иначе, я стала мечтать о встрече.

А 25 июля 1980-го — страшная весть о трагической кончине Владимира Высоцкого. Я не могла плакать, мне приходилось скрывать отчаянье, боль, свою скорбь от окружающих. У меня была семья, работа. Но полились потоком стихи-посвящения, стихи ему, о нем, о моей

любви к нему, грозя захлестнуть: *«С того света нет поездов...»*

И вот десятки лет Владимир Высоцкий является для меня глашатаем правды, гениальным поэтом, гражданского мужества человеком. Человеком, достойным подражания. Столько же лет я не перестаю писать стихи о нем, ему, как бы воскрешая его образ в памяти снова и снова.

Таким странным образом ВВ вошел в мою личную биографию и творческую жизнь. В 1990 году, в 10-ую годовщину со дня его ухода я издала на свои средства (под псевдонимом Мощева) небольшую книжечку стихов, полностью посвященную ВВ, которая так и называлась «Мой Высоцкий» (Алматы). Книга разошлась по всему Союзу, со всех городов и весей приходили письма с благодарностью за то, что мне удалось выразить чувства тысяч и тысяч людей, которые так же почитали, любили, восхищались, понимали нашего великого соотечественника.

В 1994 году вышла книга «Венок Высоцкому» (г. Ангарск, Сибирь, составитель москвич Иосиф Повицкий) с 350-ю стихами-посвящениями поэтов-профессионалов и просто почитателей творчества Высоцкого. В книгу вошло четыре моих стихотворения. В 1997 году я издала (под псевдонимом Гордеева) небольшой сборничек стихов «Черный ангел» (Алматы) всего-то 500 экз. В нем тоже есть стихи-посвящения, эпиграфы из стихов ВВ к моим, как бы продолжающим его темы или только интонацию. Композитор Норлан Сеитов написал музыку к двум стихотворениям: «Юбилейное» (к 25 января 1998 г.), и «Монологу Жеглова».

И сегодня, уже в 2018 году я продолжаю любить и помнить Владимира Высоцкого и общаться с ним — теперь уже на космическом уровне. Он продолжает сниться мне живым. Все сны рассказывать не буду, но одним из снов мне хочется поделиться с тобой,

читатель: мы стоим с ВВ в комнате, а потом вылетаем вместе через открытое окно и парим рядом в ясном небе над зелеными просторами, и я знаю, что это: РОССИЯ.

Панегирик

В честь еще одного героя нашего времени, гражданина России, жителя Екатеринбурга АНДРЕЯ ГАВРИЛОВСКОГО.

Кто-то (см. по тексту) разрушает то, что есть и что можно еще хранить долгие годы, чтобы наши потомки не были манкуртами (типа зомби), не помнящими родства. Мировые достояния культуры покоятся в колумбариях ушедших гениев, каждый из них в свое время нес людям красоту и духовность в музыке,

картинах и художественных произведениях поэзии и прозы. Живых гениев не принято провозглашать при любом режиме, при любых правителях, ибо они не вписываются в рабское покорное стадо подданных.

Всего-то только хранить старые и добавлять новые ценности. Таким хранителем как раз является страстный почитатель многогранных талантов Великого Владимира, имеющий духовное родство с рано ушедшим Поэтом. Не иначе. Андрей Николаевич с любовью выстроил музей В. Высоцкого в Екатеринбурге, на первом плане которого стоит первый «мерседес» Владимира Семеновича, и он сам возле него, как живой. С изумительным сходством вылита из воска фигура в полный рост. Залы музея заполнены многочисленными артефактами, принадлежащими Володе при жизни. Самый ценный из них, на мой взгляд, автограф последнего стихотворения ВВ, посвященного Марине Влади.

А еще этот необыкновенный музей расположен на втором и третьем этажах 54-ти этажного здания, названного в честь Высоцкого, единственного по своей уникальности в России, а, может, и не только в ней. Вот так увековечил память нашего народного достояния, гения, занявшего свое место в колумбарии мировой культуры, Андрей Николаевич Гавриловский, человек, думающий о будущем потомков. Страна должна знать своих реальных героев, а не тех, кого назначила пресса и телевидение, лживые и продажные насквозь. Для меня лично гражданин Гавриловский встал в своем необыкновенном подвижничестве рядом с Владимиром Семеновичем. Есть Бог на свете, и есть его дети, несущие свет в наш несовершенный мир.

Честь и хвала Андрею Николаевичу, огромная человеческая благодарность и низкий поклон от нас, почитателей Владимира Высоцкого, за его такой возвышенный дар. Хочется жить, когда в одной стране с

тобой живет такой духовно богатый Человек. Личность,
достойная подражания.

От автора книги

Светланы Ермолаевой.

A handwritten signature in black ink, reading "Св. Ермолаева" with a stylized flourish at the end.

Дом В. ВЫСОЦКОГО в Екатеринбурге

Музей В. ВЫСОЦКОГО

1990 (под псевдонимом Мощева)

2003

2008

Моя исповедальная любовь

**Избранные стихи из трех книг
Памяти Владимира Семеновича
«Мой Высоцкий» (1990, 2003 и 2008
годы), отдельные стихи положены
на музыку композитором Норланом
Сеитовым, а также стихи из
сборника «Черный ангел» (1997 год)**

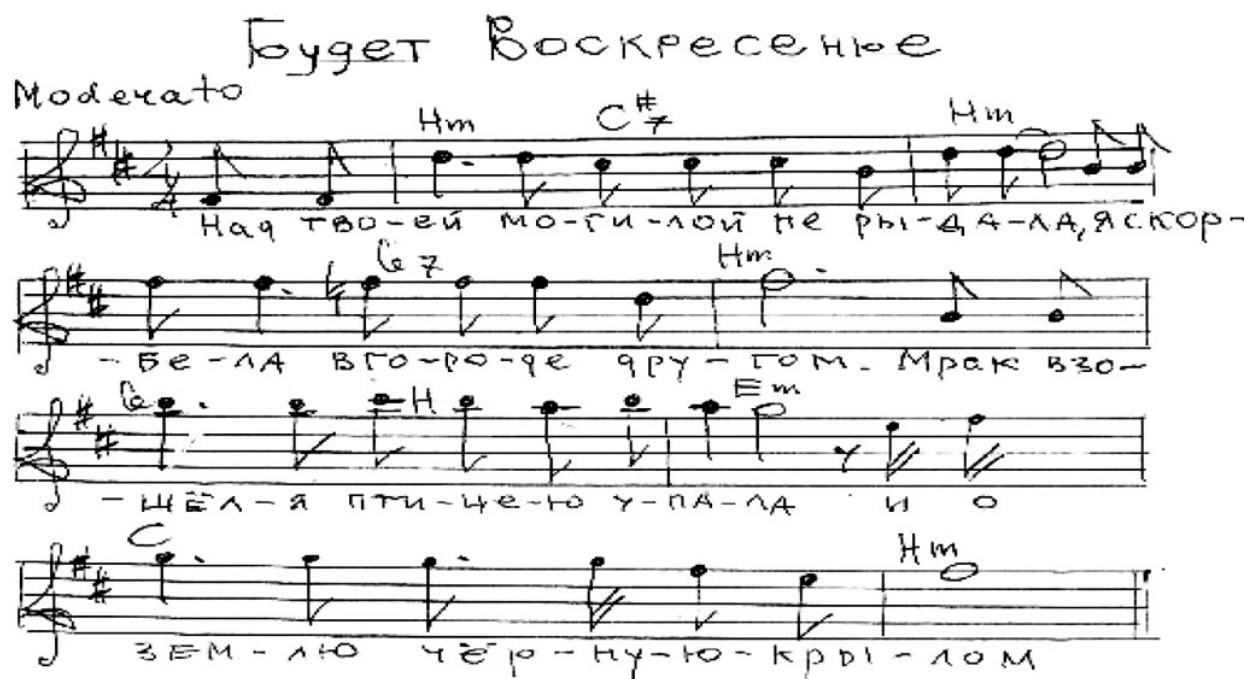
Будет воскресенье

Над твоей могилой не рыдала,
Я скорбела в городе другом.
Мрак взошел — я птицею упала
И о землю черную — крылом.

Все во мне от горя помутилось,
Несмотря — что я тебе чужая.
Может, Господь
Даровал мне милость:
Моей боли нет конца и края.

Я с собой в могилу унесу
Не о том пустое сожаленье,
Не пришлось с тобой бродить в лесу,
А надежду: будет воскресенье!

Мы с тобой воскреснем и вовеки
Будут рядом наши имена.
Если так скорбеть о человеке,
Две души воскреснут, как одна.

К мертвому — странная тяга...

К мертвому — странная тяга.
 Скорбь почитаю за благо.
 Мы ведь совсем незнакомы.
 В горле — рыдания комом.

Володя, Володя, любимый,
 Со мною ты рядом незримо:
 И руки твои, и глаза.
 О Господи, так ведь нельзя!

Может, все просто совпало.
 Я в это лето устала,
 Твоя в сорок два кончина
 Душу в печаль заточила.

Володя, Володя, любимый,

Со мною ты рядом незримо:
И руки твои, и глаза.
О Господи, так ведь нельзя!

Скажут, с ума я сошла —
Мертвого друга нашла.
Будет ответ мой такой:
— Нету живых под рукой!

К мёртвому - странная тата

Я по тебе тоскую бесконечно...

Я по тебе тоскую бесконечно.
Наверно, так назначено судьбой:
Тебе уйти, а мне терзаться вечно
И рваться вслед —

За мертвым, за тобой.

Нет слез уже.

Так выплачу я душу —

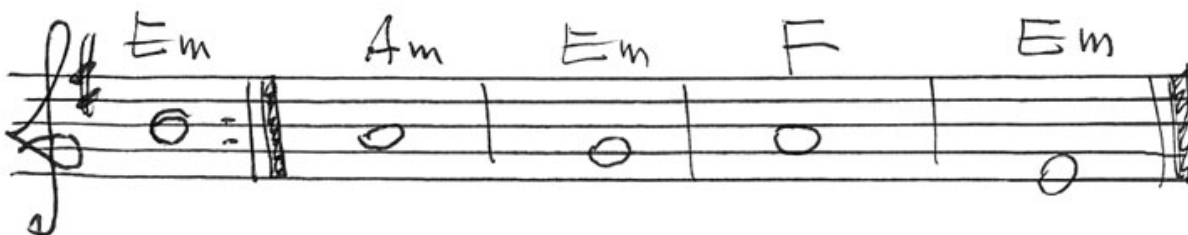
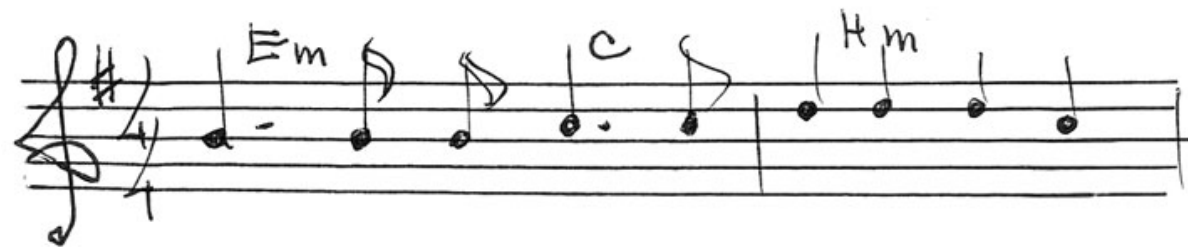
Мои глаза, как выжжены, сухи.

Прости, прости!

Я твой покой нарушу

Послав тебе, ушедшему, стихи.

Я по тебе тоскую бесконечно

Пламя погасло

*«Не поставят мне памятник в
сквере...»*

1

25 июля восьмидесятого года
Умер единственный в мире
Володя.
Рано, так рано! —
Рыдай иль молчи —
Пламя погасло у тонкой свечи.

Жил он на голом,
Натянутах нерве!
Умер Володя —
Последний из первых.

Может, пройдет лет десяток —
И в сквере
Памятник^[1] будет ему, его вере
В жизнь справедливую,
Как он мечтал.
Умер Володя — устал...

2

Нет безысходного горя.
Солнце сияет в саду,
Птицы поют на просторе...
Я, спотыкаясь, бреду.

Нет безысходного горя.
Падают листья, шурша...
«Нет», — говорят.

Я не спорю.
Знаю, что в горе
душа.

Похороны

28 июля 1980 года

Белый гроб качался и плыл
По цветам, по цветам, по цветам...
Ты меня никогда не любил,
Но полюбишь —
Мы встретимся там.

Ты меня никогда не любил
И не знал,
Что на свете я есть.
Ты так щедро другой подарил
Свою душу, как лучшую песнь.

О, поверь, я за то не в обиде.
Под одним со мной небом дыша
Ты не слышал меня и не видел,
Да и я жила, не ропща.

Но, однажды, явившись во сне,
Ты сказал:
— Мне так искренне жаль,
что с тобою не встретиться мне.
И меня полонила печаль.

И по мертвому другу тоска
В моем сердце теперь не пройдет.
И тебя эта с болью строка,

Может быть, на том свете найдет.

С того света нет поездов...

С того света нет поездов,
Самолетов нет с того света.
Путь туда лежал
Между двух рядов,
Между двух рядов
Золотых цветов,
В пике лета.

Уж не петь ему
Песен самому.
Они рвутся к нам
С наших «магов».
Стон гитарных струн,
И коней табун,
И обрыв крутой
У оврага.

С того света нет поездов,
Самолетов нет с того света.
Мысли путь бредов,
Было много слов.
Его дух среди них —
Смутной тенью...

А среди цветов
Он лежал — суров
И совсем тверез.
Как собрат его —
Сергей Есенин.

Может, души их

Из совсем чужих
Станут близкими и родными.
Родились они
От одной земли —
Ах, Россия-мать — свято имя!

Жгли стихами нас —
А они могли,
И глазами жгли голубыми...

Распяли — в сорок два

*«С меня при цифре 37
В момент слетает хмель...»*

Дожил до сорока двух лет,
Пройдя отметки разновозрастные.
Ты с самого начала был Поэт.
Да на стихи твои приклеили ярлык —
«блатные».

Твои собратья, перья наточив,
По части строкогонства
Были доки —
Писали с петухами и в ночи...
Все выжимали соки в жиденские строки.

А ты писал, как нити из души
Вытягивал — разматывал клубок.
И так спешил —
Зачем ты так спешил?
Как будто смерть блуждала
Между строк.

Твои собратья будут долго жить
И состояния сколачивать упорно.
Бог с ними!
Мы же отыскать спешим
Твоих стихов
Рассыпанные зерна.

Потому что любил

*«В синем небе, колокольнями
проколотом,
медный колокол, медный колокол
—
То ль возрадовался, то ли
осерчал...»*

1

Преклоняюсь — без тени смущенья —
Перед силою самосожженья.
Не пустые слова: преклоненья достоин,
Кто бестрепетно был
И один в поле воин.
Там, где гнулась толпа,
Он один подымался,
И гитара без усталости билась в руках.
Хриплый голос его
От усилия рвался —
Пел за совесть он, не за страх.
Тот душой неспокоен,
Чьи тропы круты.
Словно в колокол,
Каждою песней он бил...

Он Россию хотел уберечь от беды,
Потому что страдал,
Потому что любил!
Да, бесстрашно он смог
Постоять на краю,
В пропасть глянул —
И дух захватило!
...Не напрасно он душу живую свою
Все же тратил на то,
Что с души воротило.

2

Ах, Владимир, как жаль, Владимир,
В мир иной вы ушли впопыхах.
Голос совести сразу как вымер,
И ни в песнях его, ни в стихах.
Без задержки отправился рейс,
На тот свет он летит без посадки.
Не берут там доплату за лишний вес,
И билеты туда продаются без взятки.

Боготворю твой голос, твои песни...

Боготворю твой голос, твои песни
И все слова твои — боготворю.
Пусть мир для нас
Не оказался тесен,
Я нашу встречу в мыслях сотворю.

Я сотворю и взгляд твой,
Полный боли,
И облик твой — такой простой.

Я защищу тебя своей любовью
От зависти и подлости людской.

И буду повторять я бесконечно,
Пока жива: — Боготворю тебя!
Жизнь проживу, которая не вечна,
Не о себе, а о тебе скорбя.

Это бред какой-то?.. Или сон?

Это бред какой-то?..
Или сон?..
Ты не умер!
Ты живешь на свете!
Так за кем же рвется этот...
Стон?
Руки опускаются,
Как плети.
И глаза незрячие —
Сухи.
Рот — тоской обметанный
Как будто...
Вслед за стоном тут как тут...
Стихи —
Даже в эту скорбную минуту.

Душа не верит

Душа не верит в невозможность встречи,
Всё кажется: ты всходишь на порог,
Скупой улыбкой освещаешь вечер
И в нем меня —
Под гнетом скорбных строк.

Глаза в глаза —
И нет моим глазам пощады.
Как под гипнозом, я к тебе иду.
Не ты, а смерть притягивает жадно.
Но все равно я взгляд не отведу.

А любимый мой ушел в мир иной...

А любимый мой ушел в мир иной.
Только тень его бредет вслед за мной...
Только тень — и ни глаз, и ни губ.
Как жесток этот мир и как груб!

Живы милые — и жизнь нам, как дар.
Умирают — и память-пожар
Так свирепствует!
Стелется дым
Над несбывшимся счастьем моим...

Зачем эти тонкие свечи?

Зачем эти тонкие свечи
Стоят в изголовье твоём?
Володя, еще ведь не вечер,
Еще поживем и споем!

Ну, встань же,
Открой свои очи!
Отбрось маску смерти с лица!
Гитара так истово хочет
Клеймить подлеца и лжеца.

Гитара так истово хочет
В руках твоих правде служить,

Которую душат и топчут,
И в горло втыкают ножи.

Ну, встань же, глашатай и гений,
И в руки гитару возьми!
Запой, чтоб исчезли, как тени,
Бесовские орды с земли!

Зачем эти свечи

Moderato

mf За чем э-ти тон-ки-е све-чи сто-
ят ви-з-ро-ло-вье тво-ем? Во-
-ло-гя, Е-ще не ве-чер, Е-
ще по-чи-вем и спо-ем

От имени ВВ

1

К черту, доктор, камфору и морфий!
Должен я с достоинством уйти.
В этот раз серьезно, без уморы!
Кода! Финиш! И конец пути.

Эй, Харон, ну, где там речка Лета? —
Я кричу. В ответ мне — пустота.

Что-то я не вижу того света,
Но и этот застит темнота.

Кто стоит за дверью белой этой?
Лживой скорбью тронуты уста.
Я вернусь, пожалуй, с того света,
Если будет музыка не та!

Не из тех я, кто копил обиды,
Не из тех я, кто лежачих бил.
Слишком много понимал и видел
И фатального исхода не любил.

2

Стояла стена — стоуста молва,
И мне не давала дороги.
Едва я ступал, сатанела она...
Но я не просил подмоги.

И в хвост и в гриву без продыху, сна
И грызла она, и кусала!
И только песня спасала меня,
Ценою потерь спасала!

Терял свою душу в борьбе с молвой,
Но пел и дышал всей грудью!
Пусть я поплатился за то головой...
Теперь мне лишь Боги — судьи.

3

Не справляйте поминки по мне!
Я любил в одиночестве гулком
До полночи бродить при луне
По пустынным, глухим переулкам.

Не справляйте поминки по мне!
В полутемной квартире запойте...
И заплещется тень на стене,
затоскует гитара так горько!

Не справляйте поминки по мне!
Тошнотворны хвалебные речи.
Я завою, как пес при луне —
Потушу поминальные свечи...

Moderato Не справляйте поминки...

The image shows a handwritten musical score for the song 'Не справляйте поминки...'. The tempo is marked 'Moderato'. The score is written on four staves, each with a treble clef and a key signature of one sharp (F#). The lyrics are written below the notes. Chords are indicated by letters above the staves: Am, Dm, G, A7, Dm, B, E, and Am. The lyrics are: 'Не справ-ляй-те по-мин-ки по мне. Я лю-бул бо-ди-но-че-стве гул-ком. До-пол-но-чи бро-дить при лу-не по пус-ты-нным, глу-хим пе-ре-ул-кам.'

Am Dm

Не справ-ляй-те по-мин-ки по мне. Я лю-

G

бул бо-ди-но-че-стве гул-ком. До-пол-

A7 Dm

но-чи бро-дить при лу-не по пус-

B E Am

ты-нным, глу-хим пе-ре-ул-кам.

«Чуть помедленнее, кони!...»

Кони нашей судьбы...
Пара резвых гнедых
Или старая кляча —
И глуха, и незряча.
Вы замедлили бег,
И — упал человек.
Может, встанет он сам,
Может, встанет он сам,
Может, встанет!

Ну, а может, ему
Уж не встать самому,
И друзья его тело поднимут.
Мертвым легче всего —
Им не жаль ничего,
Они скорби и сраму не имеют.

Кони нашей судьбы...
Вороных и гнедых
Постепенно к себе приручаем,
Веря в то, что не раз
Они выручат нас,
Когда даже друзья не выручают.

Кони нашей судьбы...
Вороных и гнедых
Постепенно к себе приручаем,
Веря в то, что не раз
Они выручат нас,
Когда даже друзья не выручают.

Кони нашей судьбы,
В час тоски, в час беды,
В самый горестный час
Проклинаем мы вас.
Но мгновенья прошли —
В пене вы и в пыли,
И печально на нас
Косит бархатный глаз,
Косит глаз.....

Модерато Чуть помедленнее, кони!"

Em

Ко-ни на-шей су-до-бы

Па-ра рез-вых гне-дых.

и-ли ста-ра-я ня-ча

и глу-ха и не-зря-ча

вы за-ме-ли-ли бег,

и у-па-де-ло-рек.

Мо-жет встает он сам

Em

мо-жет вста-нет

*«Сгину я, меня пушинкой
ураган сметет с ладони...»*

Понесли к обрыву кони!..
Тормозил — в крови ладони.
Закричал: — Остановитесь!
Ну, зачем так быстро мчитесь?

Но безжалостны, как время —
О! Неистовое племя! —
Грудью воздух разрывая,
Вы неслись, неслись по краю...

— Чуть помедленнее, черти!
Не готов еще я к смерти!
Песню лучшую спою,
Задержитесь на краю!

Ну, еще повремените!
Не допел я — вы поймите!
Только миг еще отмерьте.
Мы ж погибнем вместе, черти!

Вы допеть мне разрешите,
А потом порвите нити!
О, проклятье!
Погибаю-ю-ю...
Но я вас не проклиная.

Тонесли кобылу кони!

Modérato

По-не-сли-ко-бы-бу ко-ни
 тер-мо зил в кро-ви ла-го-ни-
 За-кри-чал-оста-но-ви-тес-ь
 Ну за-чем так бы-стро мчи-тес-ь

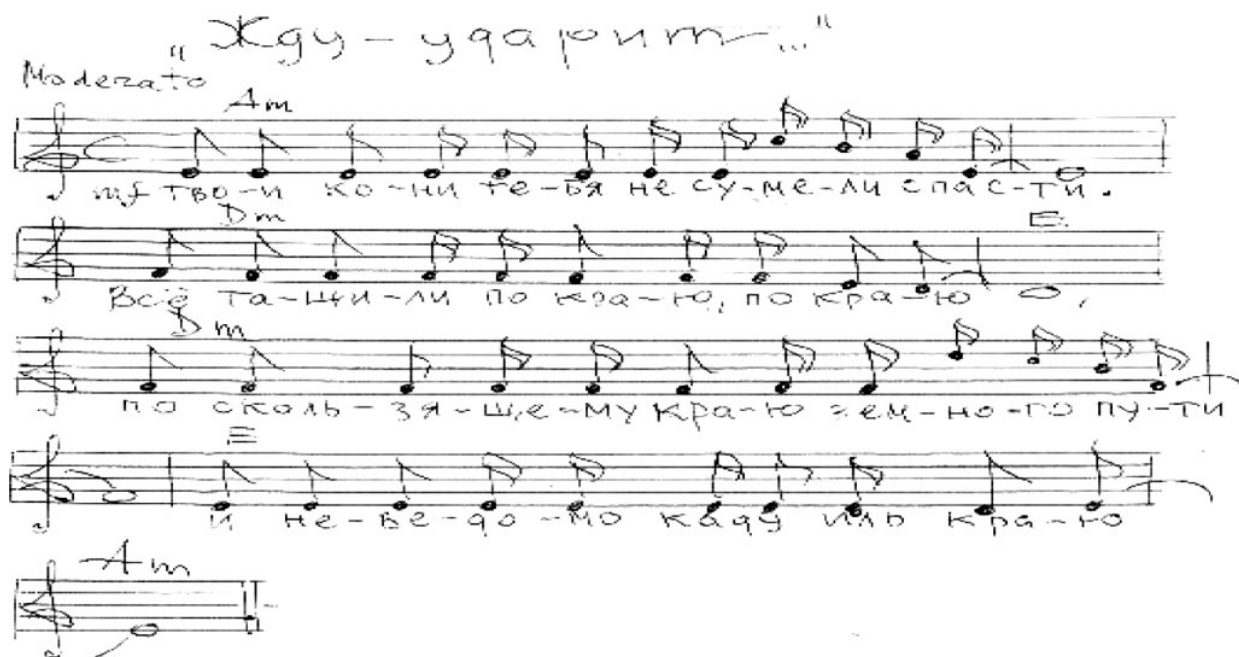
3

«Жду — ударит свинец из
 двустволки...»

Твои кони тебя не сумели спасти,
 Все тащили по краю, по краю,
 По скользющему краю земного пути...
 И неведомо: к аду иль к раю.

Твои волки тебя не сумели сберечь.
 Не напали на алчную свору:
 Ружья сдернули недруги с плеч,
 И курки взведены до упора.

Не спасли тебя, не сберегли,
 Кони, волки и люди, конечно,
 Дух твой в небо поднялся с земли!
 Моя скорбь о тебе бесконечна...

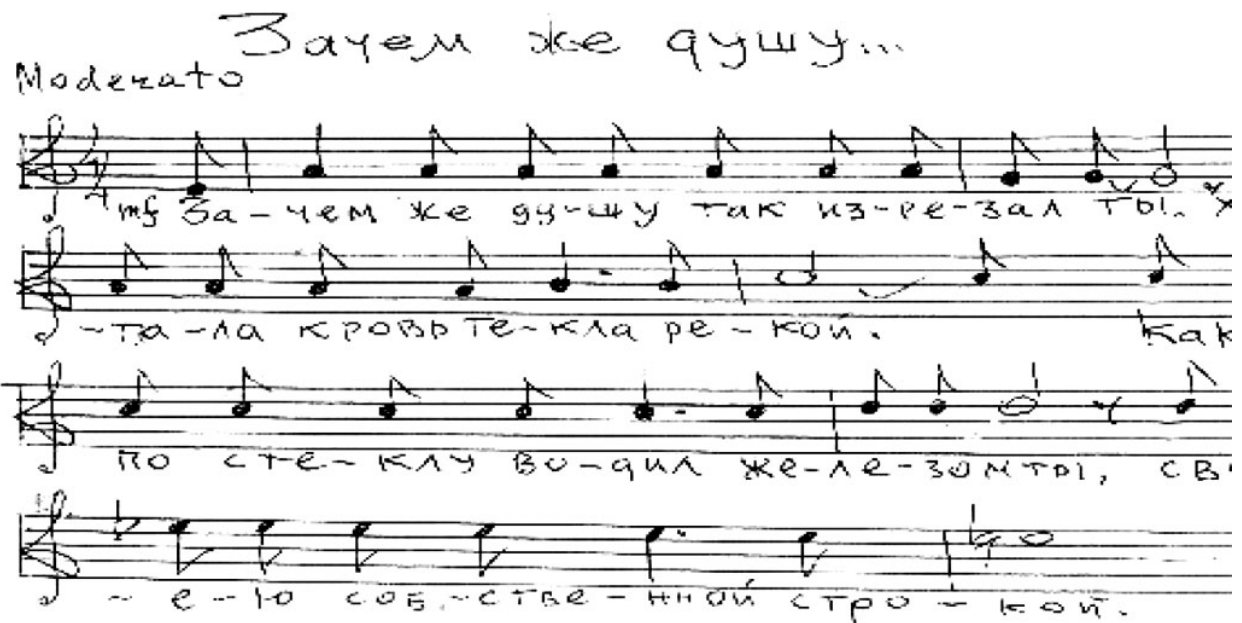
Зачем же душу

*«Поэты ходят пятками по лезвию ножа
и режут в кровь свои босые души...»*

Зачем же душу
так изрезал ты —
Хлестала кровь струей,
Текла рекой.
Как по стеклу
Водил железом ты —
Своею

Собственной
Строкой...
Ты не палач,
А сам — на плахе ты.
Так жил ты,
Время торопя.
Так шел вперед,

Отбросив страхи, ты.
И не жалел себя...

Ты не любил

*«Я не люблю фатального исхода,
от жизни никогда не устаю...»*

Ты не любил фатального исхода.
Но что я слышу? Я не верю, нет!
Мне говорят, в жару была природа,
Когда с тобой прощался белый свет.

Но как же так?
А где же наша встреча?
Я не успела домечтать о ней.
Я вне себя...
И в ночь скатился вечер...

И вне себя я буду много дней.

За что мне — такая мука?

За что мне — такая мука?
Быть может, я очень грешна?
Черней не бывает разлука.
Нежней не бывает — нежна
Была бы с тобою, милый!
Но ты, не зайдя, ушел.
Я так бы тебя любила,
Как не любили еще!
Но нету туда дороги,
Куда ты ушел, Орфей!
Мне некуда деться, о Боги,
С бесплодной любовью своей.

25 июля 1981 года

*«Растащили меня, но я счастлив, что
львиную долю...»*

Вы прошлым летом
В мир ушли иной.
С тех пор ваш дух живет
На черном рынке.
Вы стали модным, но какой ценой
Вы оплатили хрип свой
На пластинке?

Повсюду вы с гитарой в руках.
И диски полки все заполонили.
На сумках ваш портрет и на зонтах.

Вас нет.
Есть те, живучие, как вши,
Что объедаются на подлом своем пире,
На вашем имени наживши барыши.
Они-то счастливы,
Что вы в загробном мире.

Песенка нечисти

*«Ой, перестали совсем ублажать нашу
нечистую силу»...*

Загони его, загони!
Что-то слишком он стал знаменит.
Что-то слишком он стал популярен.
Тем он власти по духу полярен.

Затрави его, затрави!
Чтобы он захлебнулся в крови.
Что-то слишком ему зажилось.
Его песни —
Торчком в горле кость.

Усыпи его, усыпи!
Может быть, приковав на цепи?
Да заснет вольнодумец навеки!
Бог простит,
Ведь слабы человеки.

ВВ

Под крестиком православным
Я в ладанке имя ношу.
ВВ — грядущая слава.

Себе — ничего не прошу.

Я близким своим завещаю:
— Умру — не снимайте креста.
Свой путь на земле завершая,
Предстану пред очи Христа.

Я много страдала при жизни.
Даруй же мне радость теперь!
Где странствует Он,
Укажи мне!
Моя «Аллилуйя!» — тебе.

Пусть тело опустится в Лету,
Оставь мою душу живой!
Вот имя —
В ладанке этой.
...Владимир, единственный,
Мой!

**На Ваганьковском кладбище 13 декабря 1983
года**

1

На Ваганьково метели метут,
А к Высоцкому толпы идут
И кладут живые цветы
У его последней черты.

Кто-то спросит:
— А памятник где
Всенародной утрате-беде?
Есть такие громады окрест...

Здесь хотя бы поставили крест.

О, как больно ему на кресте!
Как горька у народа утрата!
А гвоздики —
Как кровь на Христе,
Вновь и вновь на Голгофе распятом.

2

Холодных рук твоих мне не согреть,
Сомкнутых век не разомкнуть слезой.
Мне суждено в горниле мук гореть
И за тобой — опасною стезей...

Никто, никто на целом белом свете
С тобой, живым, не встанет наравне.
Мне наяву тебя уже не встретить,
Но, к счастью, ты являешься во сне.

И происходит то, что быть могло —
Мы говорим и взглядом, и словами —
Когда б тебя в могилу ни свело
Твоей души неистовое пламя.

3

Пусть на твою могилу упадут
Мои стихи, пронизанные болью, —
Последний твой, неласковый приют,
Последний миг прощания с любовью.

Колени преклоню и лбом холодным

Коснусь цветов, пылающих в жару.
И здесь — в земле —
Не будешь ты свободным
От чувств моих, пока и я умру.

Три стихотворения о любви

Только ты

Отпеваю я тебя стихами
И живу твоею я судьбой.
Может, чувств негаснущее пламя
И меня отправит за тобой?
Никому от века не мечталось
Так любить,
Как мертвого люблю.
Для живых и пепла не осталось...
Я об этом, правда, не скорблю.
Только ты —
В моих печальных взорах.
За назойливые чувства не взыщи!
Не дано мне знать, как скоро
Встреча нам в кладбищенской тиши.

Все строки мои к тебе

Я ныне — твоя — и присно.
Все строки мои — к тебе.
Твоя нескончаемо тризна
Вершится в моей судьбе.

На каждую песню твою
Моя из рыданий готова.

Ужели напрасно молю:
— Давай перемолвимся словом?

Ужели? Так, зная, суждено
Шептать до скончания века
Мне имя — из тысяч одно —
Любимого мной человека.

Но в душе только ты

Мне влюбиться в кого-нибудь,
Что ли?
Чтоб огонь мою душу спалил,
Чтоб она отеклась поневоле
От кладбищ, от крестов, от могил.

Чтоб мне память лгала
Об ушедших:
Хорошо на том свете — во мгле,
И там нету Домов сумасшедших,
Которых полно на земле.

Но в душе только ты —
Как свеча.
И никто ее свет не потушит.
Черным вороном шаль на плечах,
И рыдания опять меня душат.

25 июля 1983 года

*«А запеть-то хочется, лишь бы не мешали,
хоть бы раз про главное, хоть бы*

*раз — и то!
И кричал со всхрипом я — люди не
дышали,
И никто не морщился, право же,
никто...»*

Три года прошло, а ты
Живее живущих на свете.
Твой голос — лекарство от глухоты,
Для тех, кто нуждается в этом.
Других бы сбивал он,
Как нечисть, с ног —
Немало их,
Взгляды бросают косые
Туда, где почила —
На долгий ли срок? —
Отважная совесть России.
Но больше таких скорбящих
Вокруг,
Что будто взывают:
— Владимир, ты нужен!
Опять заколдованный кем-то круг
Вокруг наших душ так сужен.
Вокруг наших слов —
До немоты! —
Тот круг заколдованный сужен.

Владимир, восстань!
В мир плесни чистоты!
Ты мне, и другим ты неистово нужен!

25 января 1984 года

*«Те, кто жив, затаились на том
берегу...»*

«— Что могу я один? Ничего не могу...»
Но ты мог!
Ты такое высказывал вслух!
Чашу с правдою ты
Расплескал на бегу —
В нас вселился бунтарский дух.

Издавна бунтари на народ выносили
Все, что души и совесть их жгло.
В песнях, в сказках ли...
Помнит Россия,
Как они воевали со Злом.

Сколько их, бунтарей-одинок,
Преждевременно в землю легло.
За высокое мужество мыслей и строчек
Смерть над ними так рано вздымала крыло.

И петля или пуля умирjali их кровь,
Ненасытную жажду любви и добра.
Им теперь все равно, что людская любовь
Полыхает над ними, как пламя костра.

Люди в скорби стоят — а метели метут, —
У могилы еще одного бунтаря.
Год четвертый идет, а к тебе все идут,
Словно к собственным душам тропинки торя.

25 июля 1984 года

*«Я вышел в дверь!
С тех пор в себе я сомневаюсь...»*

Четыре года,
Как четыре стона,
У ног твоих бездыханно легли.
Четыре года
Дух твой вне закона
Живет.
Его пока менты не замели.

Не променял душевную тревогу
Ты на смиренный,
Благостный покой.
И правде лишь —
Единственному богу,
Служил
Из нерва сделанной строкой.

Четыре года,
А людские души
Все пребывают в скорби
И неверье,
Что ты ушел,
Приличья не нарушив,
На этот раз —
Смирено —
Через двери...

Быть!

«Отдайте Гамлета славянам!»

(Ю. Кузнецов)

И нам отдали: Гамлет — Высоцкий

Гамлет — брат мой!
Молвлю, как сестра,
Что вопрос извечный
«Быть — не быть»
Не решить нам с помощью добра
На подмостках сцены и судьбы.

«Быть!» — и бой за правду до конца.
«Быть!» — и с ядом выпито вино.
«Быть!» — и грудь под пулю подлеца.
Нам судьбой другого не дано.

Будет смерть почетною в бою.
Будет люд скорбеть о смельчаке —
Нет, не предал душу он свою,
В смертный час зажатый в тупике.

«Быть!» — без страха
В свой последний час.
«Быть!» — у бездны мрачной на краю.
Пусть народ свечу зажжет за нас —
Может, Господь встретит нас в раю.

По чьей вине?

*«Смешно, не правда ли, смешно?
Ну, вот.
И вам смешно и даже мне —
Конь на скаку и птица влет...
По чьей вине, по чьей вине,
По чьей вине?...»*

Конь на скаку и птица влет,
А человек — в расцвете лет...

И если даже плавить лед,
Он не увидит белый свет.

И нам совсем уж не смешно.
Не докурил и не допил вино
И женщину одну не долюбил,
А про него уже — «жил-был...»

По чьей вине?
Да нам ли знать?
Есть на виновных Высший суд.
И будь у них богатств казна,
Навряд ли их они спасут.

Конь — на скаку
И птица — влет.
А человек —
В расцвете лет...

25 января 1985 года

*«Пусть впереди большие
перемены,
я это никогда не люблю».*

А мы все играем, играем.
С рожденья нам розданы роли.
Увы, не прельщаемся раем.
И ад не пугает нас боле.

Красивы публичные речи,
Нет пятен стыда на лице.
Высоцкий нам пел,
Что «не вечер»...

И вот он — в терновом венце.

Не вечер, ночища глухая
Опутала тьмою умы.
И совесть босая, нагая
Рыдает у новой тюрьмы.
Грядут перемены большие —
И снова: — Ура! Одобрям!?
Не чуждые речи — чужие
С трибун зазвучат там и сям.

Сплетутся и новые сети,
Придет и рыбак — в свой черед.
Народ мой доверчив, как дети,
На паперть с сумой побредет.

Церковь Воскресения. Ваганьковское

*«Может, кто-то когда-то поставит
свечу
мне за голый мой нерв, на котором
кричу,
за веселый манер, на котором
шучу...»*

Купила в храме поминальную свечу.
Я с детства здесь ни разу не была.
Торжественно и тихо, как в лесу —
Когда его поземка замела.

Спросила я кого-то, что сказать,
Как помянуть усопшего по-божьи?
С моим вопросом встретившись, глаза
Помедлили с ответом настороженно.

Потом, губами пожевав, сказал старик:
— Нет общих слов. У каждого — свои.
Услышит Бог и шепот твой, и крик,
Ты только душу щедро отвори.

Я душу отворила и шепчу:
— Пусть будет пухом вам земля!
При этом
Я ставлю поминальную свечу
За голый нерв народного поэта.

25 января 1986 года

Гитара Высоцкого

*«А гитара опять не хочет молчать,
поет ночами лунными...»*

Ему б сегодня было сорок восемь...
Январь зачем-то притворился мартом
И жесткий снег с деревьев черных сбросил.
И ожила гитара где-то рядом:
Звенит, поет, тоскует безутешно...

Почудились шаги издалека,
И рук прикосновение поспешное —
Истосковавшийся по струнам музыкант?
Да, это он!
И не было разлуки.
Как страшный сон — чехол и черный гвоздь.
А явь сейчас — единственные руки!
Их жар не раз ей испытать пришлось.

Он, не спеша, поднялся на помост.

Гитару левой обнял он за гриф,
А правой — тронул струны...
Будто мост
возвел меж ею и собой. Несуетлив.
Ну, в точь такой, когда в последний раз
Он пел, он улыбался,
Он дышал!..
Он знать не знал,
Что в этот самый час
Уж шаг к бессмертью сделала душа.

25 января 1988 года

*«Но в привычные рамки я всажен
—
На спор вбили...»*

Вершил он великое дело
Преградам всем вопреки.
Россия не оскудела,
Коль есть **мужики**.
Запретами стиснуты глотки.
Бахвалясь отвагой своей,
Лишь трусы вопили за водкой
Среди таковых же друзей.
Сказать во весь голос
Посмел он,
Пусть ждали — сума иль тюрьма,
Что слово насилует дело,
И горе в стране без ума.
Свобода, отпетая властью,
На ладан дышала едва.
Душа разрывалась на части,
Как колокол, били слова!

Ах, мило, ах, смело, ах, жутко —
Вознесся поэт над толпой.
Но с властью бороться — не шутка,
Упрятали в гроб... на покой.
Покойный, он стал неопасен,
Посыпались «ахи» вослед...
Он весь — до ногтей — приукрашен,
А дух его «всажен» в багет.

25 июля 1990 года

*«И счастлив я висеть на острие,
зарезанный за то, что был
опасен!..»*

Ты стал отныне неопасен.
Звучит уютно хриплый голос
в кабине «мазовской» на трассе.
В момент — от гибели на волос.

Предстал ты голым, как король,
Чуть-чуть прикрыт
Листком ли, фигой?..
О, русский Гамлет, эту ль роль
Ты заслужил своим подвигом?

Враги — в друзьях,
Друзья — в молчанье,
Толпой — биографы-кликуши...
Владим Семеныч, как печально,
Когда и мертвым гадят в души.

25 января 1991 года

Попурри на темы песен Владимира Высоцкого

На дворе — всю зиму,
Век кончается двадцатый.
Кто с умом, кто без ума —
Лезут дружно в депутаты.
Без ума или с умом —
Во Кремлевские палаты.
Будто в церковь с топором,
Прут с мандатом депутаты.
Их мандат — и щит и меч,
Пропуск к благам, к дефициту.
Нам бы — голову сберечь
Да дырявое корыто.

Эх, Володя, чья-то воля
Увела тебя во тьму.
У поэтов — злая доля,
Презирать свою страну.
Без ума или с умом —
В болтовне проводят день.
А Союз — наш общий дом,
Грабят все — кому не лень,
Как хозяева, в Кремле
И в Палате Грановитой
Вновь Законы о Земле
Нам варганят с рожей сытой.

А в колхозе — все шаром,
Зол мужик — в одном носке.
И, как встарь, плывет паром
По загаженной реке.
Хрущ прославлен кукурузой,
Л. И. Брежнев — целиной.
Заливается Карузой

Наш Генсек очередной.
Рвется он из сухожилий:
Всех нас по миру пустить.
Честных воры обложили —
Не спастись и не спасти.

Эх, Володя, по-за-рез
Нужен ты — бунтарь-мессия!
Нам мерещится, что бес
Губит вольную Россию.

Здравствуй-здравствуй,
Век двадцатый —
До милиции родной!
До свиданья, депутаты
И ваш съезд очередной!
Доболтаетесь — дебаты
Оборвет народный глас.
С газ-водою автоматы
Пусть в дело против вас.

Эх, ребята, вновь не так —
За-пре-ти-ли зелье!
Вся страна наша — бардак,
Пей не пей с похмелья...
Во! — в России мужики —
Все им чей-то хотца!
То писать — трояк с строки,
То за власть бороться.
Рынок, рынок
К нам грядет,
И — ату! — пророки!
Без портков уже народ,
Без крамолы — строки...

Эх, Володя, кони вскачь —

Ими я не правлю.
По тебе — мой горький плач
И тебя я славлю!

Из сборника «Черный ангел», 1997 год

1. Ода водке

*«Или куришь натошак,
Или пьешь с похмелья!...»*

...Запиваем, бывает, по-черному,
а иначе и выжить-то как?
Даже наши большие ученые
От давления хлещут коньяк.

А про водочку нету и прений.
После баньки, с устатку иль так
Много-много уже поколений
Принимают ее натошак.

Что шампанское любят пииты,
Всех Пегасов споили давно,
Даже древние знали шииты,
Может, видели наше кино.

А сейчас налегли на ликеры,
Шоколадной оберткой шурша...
Даже истина топится в споре,
Если резать ее без ножа.

Мужики вымирают в России,
Если пиво не пьют при леще.
Жил один, и того поносили

За пристрастие к водке, ваще. (слово ВВ)

Да при рынке таком окаянном
Без хмельного нельзя куража.
Водку хлещем не стопкой, стаканом,
Лишь бы вырваться из виража.

Непосильная ноша поэту —
Выживать в окайные дни,
В грязь лицом не ударить при этом,
Твердо веря, что сгинут они.

И при черной печали по-черному,
Как, возможно, бывало и с ним,
Не ликеру под вафли мученые,
Водке должное мы воздадим.

2. Кони — в такт

*«Где-то кони пляшут в такт —
Нехотя и плавно...»*

Кони — в такт,
А в пропасть как?
Нехотя и плавно...
Да, Володя, все не так,
А сейчас — подавно.
Вдоль дороги — воронье,
Их число бессчетно!
Поголовно, сплошь вранье,
Что кресты, что четки.
В церкви точно, как в кино,
Сатане приславно.
Нету святости давно,

А сейчас подавно.
Притворяться ни к чему,
Бога в душах нету —
Нет пристанища ему,
Где от веры пепел.
Чем не камеры — дома?
Окна, дверь — в решетках.
Мы б давно сошли с ума,
Да спасает водка.
Выйдешь из дому — и хам
Прет навстречу с матом.
Глянешь в прошлое, а там
Лишь одни утраты.
В кабаке, где с горя пить,
Тоже правит быдло.
Э-э-эх, да что там говорить!..
Если баксы — идол.
Идол, символ и кумир —
Впрозелень бумажки.
Покорили скопом мир,
Как куриной ляжкой.
Э-эх, да что там говорить!
Все давно обрыдло!
И никто уж не хрипит:
— За державу стыдно!
Той державы нет давно,
Продана за баксы.
Зато смотрим порнкино,
Письма шлем по «факсу».

Я на гору впопыхах!..
Мне: — Да не пыхтите!
«Новым» срублена ольха,
пальма там... с Таити.

Продолжая ВВ

Я говорю своим биографам,
Что обожаю пить с утра.
Потом сижу, слежу за облаком
И вспоминаю, что вчера.

Вчера бухали мы по-черному,
Уж ты нас, Господи, прости!
Простые мы и неученые,
Не знаем, как себя вести.

Нажремся прямо, как начальники,
Куды министрам там до нас!..
Те молча пьют, они «молчальники».
И в одиночку пьют зараз.

А мы простые, мы куражимся
И в глотки льем с утра вино.
Зальем, покажется, отважимся
Сходить на «вы» иль в порнкино.

И на словах мы изгаляемся
Над всем правительством зараз.
Сидим себе, опохмеляемся...
Чем не министры мы сейчас?

Министр льет воду с утра до ночи,
Мы не завидуем ему!..
Стоят заводы, а мы онучи
Оденем — и на Колыму.
Вот так!

Монолог Жеглова

...Идет по-крупному игра,
И я готов на встречу,
На схватку с бандою пора.
Еще, Жеглов, не вечер!

Еще не вечер, и не ночь,
И в жизни фарт — для смелых!
Азарт пьянит,
как спирт, точь-в-точь,
Когда иду на дело.

Иду на «ручников»-воров,
Их непотребных девок.
Я не бессмертен,
В жилах — кровь,
И сердце бьется слева.

И «волк»-убийца будет мой,
В своей, в чужой ли шкуре.
Он не один такой крутой,
Ребята круче в МУРе.

Вот брезжит утро, даль светла.
Идет к концу облава.
К победе вера привела,
Что наше дело — право.

Монолог Желова

с.л. С.Ермолаевой

Муз. П. Сеитова

25 января 1998 года
Юбилейное

1

Все рвется Высоцкого голос
С экранов, со сцен, из квартир!
От смерти прожил он на волос,
Спасая по-своему мир.

Припев:

Володя, Володя, Володя,
Остались мы, други твои,
И вслед за тобою уходим

Из этой страны нелюбви.

2

И рвутся гитарные струны
В руках одиноких людей,
А души их ночью безлунной,
Как стая больных лебедей...

Припев.

3

Пусть рвутся, пусть рвутся,
пусть рвутся
И голос, и струны сердец.
О, Господи! Мир в твоих руках.
Спаси, сохрани нас, Творец!

Припев.

Юбилейное муз. Н. Сеитова

Moderato

Всё рвё - тся вы - со - цко - го го - лос, сэ -

- кра - нов, со сцен из ква - ртир! От сме - рти про -

- жда он на во - лос, спа - са - я по - сво - е - ну

- мир во - ло - дя, во - ло - дя, во - ло - дя, ос -

та - лись мы дру - ги тво - и, и вслед за то - бо - ю у -

- хо - дим из - э - той стра - ны не - лю - бви.

О скитальце одном

*«Но и утром все не так,
Нет того веселья...»*

Бреду по редакциям, как по этапу —
Где плюнут, где сунут
Под ребра кулак.
Неужто за это им платят зарплату —
Чтоб рвали, как церберы?
Или не так?

Как нищий, с сумою, за подаяньем,
Так я со стихами своими бреду.
Возможно, предсмертным
Своим покаяньем
Я истинный путь на земле обрету?

Как бич или нищий, скитаясь под небом,
Я помню всегда о скитальце одном:
Чужим он сочувствовал болям и бедам,
Свои — заливал самым горьким вином.

К России

*«Мне судьба — до последней черты, до
креста...»*

Распнут — и объявят мессией,
сожгут — и объявят поэтом.
А в нашей любезной России
«осанну» исторгнут при этом.

Гноят и мытарят в неволе
глашатаев правды единой.
В России — им лучшая доля:
безвинному — явка с повинной.
Строптивому — благ укрощенья:
кнутом или плеткой литой.
А в нашей России — прощенья
грехам за последней чертой.
Любезная сердцу Россия,
зачем этот крест на пути?
О, Господи — я не мессия,
мятущийся дух укрепи!

О, Господи — высшая сила,
Спаси меня и сохрани!
Всем сердцем люблю я Россию,
особенно в черные дни.

Звезда^[2] **Высоцкого**

Мы все живем «До завтра» —
Прислуга и король,
А также космонавты.
Мы все играем роль.

Пусть кто-то не проснулся —
Все сыграно уже.
И мир не ужаснулся,
Не всхлипнул о душе.

О ней, непокаянной,
Лишь близкие вздохнут.
Звездою безымянной
Душа рванет из пут.

Мы живы все до «завтра»,
А значит — до утра,
Подсчитывать утраты
Нам всем давно пора...

Срок жизни увеличился

*«Срок жизни увеличился и, может
быть, концы
Поэтов отодвинулись на время!...»*

Срок жизни увеличился — а мы,
Поэты, поведением, данным свыше,
Так рьяно губим души и умы
И так захлеб,
Как перед смертью пишем.
Спешим, пока живы, строкой несуетливой
Отчаянье свое выплескивать в стихи.
Мы ловим каждый миг гигантского прилива,
Когда не разобрать огрехи и грехи.
Так рьяно губим души и умы,
Как будто претендуем мы на вечность.
Но зорко наблюдает рок из тьмы:
— Вам сроки коротки,
А вы беспечны?!

Еще один покинул строй

*«На цифре 26 один шагнул под
пистолет,
Другой же — в петлю слазил в
«Англетере»...»*

Еще один покинул строй
Тех, божьей милостью поэтов,
Кто пишет кровью, а порой —
Под черным дулом пистолета.
Он не читал стихов с эстрады:
Надрывных, злых, замысловатых.
Но были мы услышать рады
На пленке голос хрипловатый.
На грани срыва голос пел,
Как будто было в горле тесно
От чувств, что выразить хотел
Певец в словах негромких песен.
Он в 42 ушел от нас.
Так не хватает часто нам
Душевных слов и честных глаз,
Души, что рвется пополам.

Живем хорошо

*«И считал я, что мне не грозило
Оказаться всех мертвых мертвей»*

Продолжаются слухи и сплетни,
Ты и там несвободен от них.
И на фоне продажных заметней
Неподкупный, бунтарский стих.
Равных нет и, наверно, не будет.
Кто рискнет и не только душой?
Правду гнали и гонят повсюду,
Нам внушая: живем хорошо!
Хорошо? Столько зла и дерьма,
Столько жуликов в нашем Союзе...
И сходили с ума от избытка ума,
Без ума — пресмыкались на пузе.

Слава тем, кто пролазил в верха!
Пастухи управлялись со стадом.
Отпахал и пожри с петуха потроха,
Ну, а куриц сошлют, куда надо.
Куда надо, сошлют и тебя,
Если вырвешься из-под запрета.
Лицемерно вздохнут: — Не судьба!..
А мог стать первоклассным поэтом.

На книгу «Нерв»

В каждой строке одиночество
И бесконечность тоски.
Мне вот самой стихотворчество
Муку печет их муки.
К Богу взываю: — Всевышний,
Дай мне бессмертные строки!
Я заплачу своей жизнью:
Сблизь мои крайние сроки.

Высоцкий — с того света

*После прочтения книги В.
Перевозчикова «Правда последнего часа»*

Кричу: — Наркота! — я,
И вот уже животно — я.
Нет, не кони меня так и тащут все вниз,
А наркота, свинья, разрушает мне жизнь.

Весь Союз наркоту поставляет
И меня от «ломки» избавляет.
И сексоты, бляди и воришки
Продают последние штанишки.
Ради меня!

Чтобы в гроб
Скорее лег я!

Даже лучший доктор Толик,
Алкоголик и крамольник,
Так меня спасает,
Что в пространстве зависаю.
Будто висельник...

А Любимов Юр Петрович
Тоже купит мне укольчик,
Чтоб играл я Гамлета:
«Быть — не быть» решал.
А где Я? Я сам на сам
Думал и страдал.

Все устали, сели — встали!
Выпьем, други, водочки.
От меня вы так устали,
Что заткнули глоточку.

Я не умер, я живой!
Подгляжу за вами я.
Пьете вы за «упокой»,
А судьба — с глазами.

Толик, лучший друг и враг,
Умер в неизвестности.
Для меня б он взял Рейхстаг,
Что там Склифа местности!

Ты, Оксаночка, усни
Сном беспечным! —
Мне минуты, тебе — дни,
У меня в запасе — Вечность.

Я скажу вам однозначно:
Женщинам не верьте
И подальше сердце прячьте.
Чтоб их взяли черти!

Труп мой плыл в машине, что ж —
С близкими, с друзьями.
Я, наверно, был хорош —
В той глубокой яме. *(На Ваганьково)*

Видел лица тут и там,
Но не все скорбящи.
Видел рожи — по углам:
Весело глядящи.

Вот он я — лежу в гробу,
Жив — живее многих!
Верю в душу и в судьбу,
В дальнюю дорогу.

Я когда-нибудь вернусь,
Встречусь я с друзьями,
Буду шпарить наизусть
Целыми листами.

А Миша Шемякин,
Ты жив или нет?
Когда побухаем в Париже?
Давно нам с тобою не страшен тот свет,
Там свету немножко пожиже...

Театр, театр. И Гамлета роль...
И зависть к успеху — актеров...
Ну, вот мое сердце —
Завистник, изволь
Его прострелить без суфлеров!

Ну, вот мое сердце! Завистник, спеши!
Меня ведь приветствуют толпы!
Я знаю, ты точишь и точишь ножи,
И может, увы, не без толку.

И капля за каплей...
Ведь зависть, как яд,
Меня отравляет наркотой.
Стада предо мною,
Я вышел из стад,
Но подзадержался в животных.
Кричу: — Наркоты! — я,
И вот уже животно — я.

Сели-встали, все устали,
И ору все ором я,
Чтоб вы какали глистами,
Исхожу измором я!..

Я в Столбах лежал, и что ж?
Был на психа я похож? —
Мучили, подлюги, процедурами!
Меня от их унылых рож
Все кидало в раж и в дрожь,
Шел общаться с дурами.

То есть, дуры не совсем,
А при всем, при том, при сем,
Все у дур в порядочке.
Их мозги, как грядочки.

«Шел всегда я до конца...»

Шел всегда я до конца
И стоял над бездною.
Не терял притом лица —
Пьяный или трезвый.
Сели-встали, все устали —
От ме-е-е-ня!
Никому не нужен я-я-я!
Помираю — вот он я!
Никому не нужен я!
Помираю — вот он я!
Личность я, а не свинья!
Прах друзьям —
С на-rrr-ко-то-ю!..

25 января 2003 года
К 65-летию со дня рождения

*«Что ж там ангелы поют
Такими злыми голосами?»*

Ангел пел, но как голос был зол!
Я тоннелем в тот свет продирался.
Прекрати ты, прохвост, я еще не ушел,
Что-то слишком уж ты расстарался!

Я пока что живой, все допью, докурю
Я еще люблю, я еще не сломался!
На Каретном Большом еще пошухерю,
Я ведь бывший дворовый, и я не зазнался!

...Я уже раскумарился в лучших мирах!
Так за что я страдал, как Фома, ля, неверный?
Зазнобило, как вспомнил, во пух и во прах
Все трепали мои обнаженные нервы!..

Что же, ангел, прости, может, ты бы не пел,
У тебя был приказ, подчиненный ты тоже...
Я любил свою жизнь, умирать не хотел.
Не Лаэрт ли убил меня, Господи-Боже?..

ВВ — по-прежнему любимому

Ты снишься мне, уставший и больной,
Ты снишься мне в хмельном дурмане.
Я от тебя — за призрачной стеной,
Спешишь ко мне
В огне своих желаний.

Ты снишься мне и летом, и зимой,
В день ангела и в день кончины.
То говоришь, то будто бы немой...
И мы с тобой давно неразлучимы.

Зачем во сне слиянье душ и губ?
Идем с тобою,
За руки держась,
Под звук архангеловых труб
Стоим мы, в поцелуй соединясь.

Зачем тревожишь в сонной тишине гитары
звуком,
нежным и печальным?
Зачем, зачем являешься ко мне
Любовником неистовым и тайным?

15.12.2005 г.

Мои похороны

*«Умудренный кровосос стал у
изголовья и вдохновенно произнес речь
про полнокровье.*

*И почетный караул для приличия
всплакнул...»*

Я устала биться о глухие стены равнодушья
ближних,
дальних неприятые.

Ну, допустим, — баста! —
вскрыла себе вены и расторгла с жизнью слабые
объятья.

Ну, допустим, ахнут —
набегут проститься,
кто-то с перепоя и слезу прольет.
Капнет она водкой на мои ресницы,
обожжет, как пламя —
дух мой оживет.

Торопясь, покинет каменное тело,
воспарит над всеми —
легок и незрим.
И ему отныне нет до тела дела,
он, как посторонний,
повисит над ним.

И увидит сверху он не лица — рыла,
и услышит фразы, едкие, как дым...
О, мой Бог, зачем я вены себе вскрыла?
знала ведь, и мертвой неугодна им.

Всех усопших прежде, хорошо иль молча,
проводжали люди в их последний путь.
А теперь вот лица,
будто рыла, корчат...

Так что дух мой хватит оторопь и жуть.

Свято место не будет пустым

Не сестра, не жена, не любимая.
Так зачем же мне выпало так:
Твою нишу занять, Владимир?
Подшутил, видно, Бог-чудак.

Ткнул перстом он в меня — не мимо:
— Дщерь моя, ты пойдешь за ним,
За собратом, чье имя Владимир.
Свято место не будет пустым.

Сорок лет почти уже минуло —
За тобой след-вослед стремлюсь.
Как лавина, поэзия хлынула —
Захлебнуться в ней не боюсь.

Не сестра, не жена, не любимая.
Но по духу мы родственны так,
Ты один для меня, Владимир!
Так решил, видно, Бог-чудак.

Жизнь после смерти или Сновидения о Высоцком

Автор: Я оживила его силой своей любви. Но он живой только для меня, для остальных: ДУХ. Как тень отца Гамлета.

Видела сон сегодня в ночь на четверг: со 2 на третье декабря 2009 года. ВВ где-то выступает в Москве, читает по бумаге, а листы прочитанные отдает почему-то мне, по моей, правда, просьбе. Потом говорит, что ему надо идти, а текст я могу прочитать и оставить у кого-нибудь для него, он придет в 5 часов и заберет. К тому времени я нахожу квартиру 36 в доме, в которой можно остановиться. У меня оказывается ключ от нее. Возвращаюсь туда, где ВВ выступал.

Он появляется и говорит, что наконец-то свободен, и спрашивает, что будем делать. Я говорю, что у меня квартира, где можно посидеть, поговорить. Он обрадован. Мы идем. Утро. Мы лежим в одной постели. ВВ шепчет мне на ухо: — Я тебя, наверное, замучил... Я говорю: — У нас ничего не было. Он раздевает меня и... Потом мы идем и разговариваем. Он говорит, что мы не сможем встречаться, так как он будет занят в спектакле, им разрешили поставить на Таганке в ноябре. Я говорю, а я хотела предложить в Алматы музыкально-драматическую композицию по своей книге о тебе.

Потом мы спорим о том, кто гениальнее. Я говорю, что я — гений при жизни, а он стал после смерти. Он уходит.

Мне нужно вернуть ему бумаги, но я не знаю, где его искать. Какая-то женщина с двумя дочками говорит, что знает его сотку. Она звонит ему, а он говорит, что он

уже идет к ней. Она ему: — Тут вас ищет Светлана, она рядом со мной. Он просит сказать, чтобы она меня отшила, так как он не один, а с женщиной.

Я записываю телефон. Мы стоим с ней возле дома, где она живет. Подходит ВВ с женщиной, видит меня, недоволен. Я отдаю ему бумагу и ухожу. Он идет вслед за мной и говорит: я приду в пять часов. Опять в пять! Вроде, я уезжаю, а он хочет меня проводить...

Потом мне приходит в голову идея фильма: сознание и подсознание. Сознание — это жизнь ВВ ДО СМЕРТИ. А подсознание мое: после смерти. Двойное «я». Хочу сообщить ему по телефону.

В ночь с 31 на 1 января 2010 года. Снова снится ВВ. Он лежит в постели и курит одну сигарету за другой. У меня в руках коробка длинных спичек, я зажигаю их и даю ВВ прикурить. Потом опять какая-то пустая постель. Я укладываю на кушетку типа стеганого бордового цвета одеяла. Появляется ВВ и ложится к стене, не на то место, где я стелила. Я подхожу к нему, а он вроде болен, простыл. Я беру мазь и начинаю смазывать ему нос, виски...

...Нет, по-видимому, он не собирается меня покидать и в новом году.

05.01.2010 г. Выступает на сцене театр на Таганке.

В это время в дверь зрительного зала некто ввозит каталку, на ней лежит ВВ – мертвый, в белой рубашке апаш, в черных брюках, типа в костюме Гамлета. Я сижу в зале. Потом я где-то в другом месте, кого-то спрашиваю, а театр еще не уехал? Мне 50 говорят, нет. Я: — А Высоцкого можно позвать? Я вроде не одна, еще люди.

Появляется Володя. Его начинают спрашивать о чем-то, а я дар речи потеряла, и думаю только о том, что сейчас вот кинусь к нему на шею и скажу, что люблю его. Но все-таки не решилась. Потом — я за кулисами. Любимов в бархатном халате, молодой, злой, гонит

артистов на сцену: — Быстрее, быстрее!.. ВВ нету, а я жду.

Первый сон приснился мне перед кончиной ВВ. До того я слышала, где-то в 76-м, его песню «Кони». И она настолько совпала с моим собственным мироощущением в то время, что я была потрясена до глубины души. Тогда я поняла, что этот человек родственен мне по душе. Наверное, я была очень одинока в то время, хотя и была у меня семья. Стала мечтать о встрече и о возможности любви и понимания.

Итак, снится мне тесная кухонька, где мы целуемся с Володей, и он говорит мне: «Как жаль, что мы с тобой уже не встретимся.» Проснувшись расстроенная и не могла понять, почему. А сон был в апреле 1980 года. Ну, живу дальше. Все время думаю о ВВ. И, слушая его песни, тем, что у меня были на пластинках, влюбляюсь в него все больше и больше. Уже после кончины ВВ через 2-3 года слышала его известную песню: «Ой, где был я вчера — не найду, хоть убей! Только помню, что стены — с обоями, Помню — Клавка была, и подруга при ей, — Целовался на кухне с обоими.»

Я работала тогда в Совмине Казахской ССР, отсиживала рабочее время в приемной у зампреда. 25 июля 1980 года приходит ко мне приятельница, единственная в то время, с кем я могла общаться и говорить о духовном, приносит газету «Культура», где помещен краткий бездушный некролог о кончине ВВ. Несколько строк, от которых у меня помутился разум. Почему-то. Внешне на мне никак не отразилась его смерть.

Просто я стала жить на подсознании, то есть инстинктивно, когда сознание как бы отключается в минуты сильнейшего потрясения. Это я сейчас так думаю. А тогда я просто превратилась в сомнамбулу. Но стала писать стихи-письма мертвому...

С того света нет поездов,
Самолетов нет с того света...
Путь туда лежал средь живых цветов,
Средь живых цветов в пике лета.

Наверное, стихи меня спасли. Я писала и писала...
умершему... успевшему стать единственным человеком,
родственным по душе, а потому любимым...

Нет безысходного горя.
Солнце сияет в саду.
Птицы поют на просторе.
Я, спотыкаясь, бреду.

И дальше:

К мертвому странная тяга,
скорбь почитаю за благо.
Мы ведь совсем незнакомы,
в горле рыдания — комом.

Может, все просто совпало.
Я в это лето устала,
И ранняя ваша кончина
Душу в печаль заточила.

Скажут, с ума я сошла —
Мертвого друга нашла.
Будет ответ мой такой:
Нету живых под рукой.

В декабре, двадцатого числа, почти через полгода со
дня его кончины, со мной произошло несчастье, и я едва
ни отправилась вслед за ним.

Над твоей могилой не рыдала,
я скорбела в городе другом.
Мрак взошел, я птицею упала,
и о землю черную крылом...

Упала с 4-го этажа. Был снег и крохотный пяточок земли посреди асфальта, на который я приземлилась. Но, Слава Богу, осталась живой и не калекой. А мне было 33 года, и должно было исполниться 34 через 3 дня — 23 декабря 80-го года. «А в тридцать три распяли, но не сильно». Может, осталась жить для того, чтобы написать книгу стихов тебе, Володя, и еще, и еще что-то писать, как, например, сейчас, сегодня пишу. О моей любви написано также в социально-автобиографическом романе-дилогии о советском времени «СТРАНА ТЕРПИМОСТИ» (СССР, 1951–1986 годы).

Высоцкий не сразу стал великим, а уж публикации о нем, посвященные ему, не приветствовались особо в литературе, в частности, в Казахстане, в Алма-Ате. Но, тем не менее, нашлись и здесь люди, к примеру, Надежда Гарифуллина в республиканской газете «Огни Алатау», Людмила Герций в молодежной газете «Ленсмена», которые публиковали мои стихи, посвященные ВВ, на день его Памяти 25 июля и на день его рожденья 25 января.

Недавно сказала своему супругу, что-то мне Володя на свой день рожденья (25 января т.г.) не приснился. Действительно, не приснился. Но когда посетовала, в ту же ночь приснился. Мы собирали с ним грибы. Что это? Жизнь после смерти? Космическая связь? Володя как будто слышал мои слова. И сразу же приснился, как явился.

До нынешнего года Высоцкий снился мне с необъяснимым, сточки зрения нормального человека, постоянством: перед 25 июля и 25 января. Будто мы

пересеклись с ним в пространстве с его состоявшейся смертью и моей несостоявшейся. Странно, что первое мое стихотворение пришло в реанимации, когда я ненадолго вернулась в сознание именно в день своего рождения 23, а несчастье случилось 20, я попросила тетрадку и карандаш, и первые строки, какие я написала в этой тетрадке, были:

Что же случилось, что же?
Был я и наг, и бос.
Новой покрылся кожей.
Встал в исполинский рост.

Нет ли какого порока,
я вопрошаю, светл.
Я похожу на Бога,
так же люблю белый свет...

Благостный и неправый,
Всяк его уничтожит.
Словно ребенок малый,
Он мне всего дороже.

До сих пор не могу объяснить эти строки, от мужского рода. Мне кололи промедол, может, от него, от наркотика, я забыла свой пол.

Умер Володя, а душа, глупышка, никак не хотела поверить, что моя любовь не состоялась. Все скорбела и скорбела, а я все писала и писала стихи.

Конь на скаку и птица влет,
А человек — в расцвете лет.
И если даже плавить лед,
Он не увидит белый свет.

На каждую песню твою
Моя — из рыданий готова.
Неужто напрасно молю:
— Давай перемолвимся словом?

Видела такой сон. В моей квартире, где я прожила 25 лет, Володя находится у меня, собирается на концерт к чиновникам, надевает почему-то синий свитер. Я говорю: — Синий цвет не твой, надень черный, ты же всегда был в черном. Он надевает черный свитер, берет гитару в чехле. Мы спускаемся с 4-го этажа, по всей лестнице стоит милиция, кругом люди, просят автографы. Потом заходим в здание Совмина

Казахской ССР, где я работала в то время. Володя уходит куда-то, а я остаюсь его ждать. Но не дожидаясь, а какой-то человек подает мне записку от него: «Не жди меня.» Я была очень расстроена. Наверное, было еще не время.

Мы стоим в комнате, не знаю, где, о чем-то говорим. Потом открывается большое окно, и мы вылетаем — через него. Как астральные тела или души, не знаю. Пока я еще живая. Мы летим именно, как тела, не шевелим конечностями, но рядом. А под нами — зеленые леса и поля, и реки, и озера, и такая красота необыкновенная! Я понимаю во сне, что страна под нами — РОССИЯ. Я тогда же написала стихи о РОССИИ.

* * *

Был еще сон. Я переехала в другую квартиру из той, где прожила 25 лет. И вот он, тут как тут. Снится мне, и называет ту квартиру, тот район — Орбита, где я временно проживала, и говорит, поедem туда и там встретимся. А я вижу, что он очень сильно выпивши, и

что он хочет принять наркотик там, где никого нет. Так это все зримо, так взаправду: вот он — Володя, вот она — я. Я ему говорю, не могу, у меня ключа нет, это не моя квартира, а он: — Если хочешь быть со мной, достань ключ. И уходит. А я маюсь: очень хочется.

Он снился мне разным, но всегда 42-летним, каким умер. Вот это меня, честно говоря, поражает. Почему я старюсь, а ему постоянно в моих снах 42? И близок так, и целуемся, и... как будто мне тоже столько лет, как было, когда он стал мне сниться: 33 года. Иногда он бывает пьян, иногда трезв, но всегда он — ВЫСОЦКИЙ, И ВСЕГДА Я ЛЮБЛЮ ЕГО. Что это? Его жизнь продолжается в моих снах? Снится живой, ни разу мертвый, или умерший. И всегда — летом. Правда, совсем недавно, в этом году я попыталась отречься от него, и он мне приснился впервые мертвый. Но ничего не вышло из моего отречения. Недавно опять приснился живой, и сон был длинный.

Однажды, чтобы спастись от этих снов, ведь я жила не одна, а с мужем, я обратилась к экстрасенсу, женщине. Почти ничего ей особо не рассказала. Она посмотрела на меня внимательно и сказала: — Возле тебя мужчина стоит с гитарой и усмехается. Я ее спросила: — Что это значит? Она ответила: — Он умер, а душу твою с собой захватил.

Я: — Мы не знали друг друга! Она: — А зачем помнишь его, думаешь о нем? Я: — Так получилось. Она: — Человек, который умер давно, обладал очень сильной энергетикой.

И ты тоже. Похоже на то, что вы в самом деле встречаетесь с ним в твоём подсознании. Не могу сказать, как это происходит. Можешь забыть о нем? Я: — Хотела бы, но он в мозги въелся. Слишком много я слушала его песен, слишком много я читала его сборников, материалов о нем. Она: — Ничем не могу тебе помочь.

Космические связи не в моем ведо́ме.

А в чьём ведо́ме? Жизнь проходит, как песок сквозь пальцы. Слава Богу, что не зациклилась полностью на Володе, как многие его почитатели, и у меня есть своя собственная литературная жизнь, своя судьба. Он даже однажды признался, что я его превзошла по количеству написанного. — Не надо пиетета передо мной. Ты достигла многого, больше, чем я. Может, и живешь ты дольше за меня. Ну, как такое может сниться? Почему? Зачем? Кому повею печаль мою? И хочу, чтобы он мне снился, и чувствую, что в этом есть что-то мистическое, нереальное, такое не должно быть, но есть. Вообще, по жизни сны мои сбываются. Даже думаю иногда, как бы после смерти мозги свои оставить для изучения, столько в них всего намешано.

Три дня назад приснился мне опять сон. Впервые за много-много лет Володя приснился мертвым. Почему-то его тело на доске, типа плота небольшого в реке. А я его вытаскиваю на берег, вытащила, но вдруг налетела волна и унесла его на этом плоту вниз по течению. Потом оказалось, что его тело не могут найти. Я говорю: — Надо искать там, где река кончается. Наверное, это река была ЛЕТА.

Не знаю, что будет дальше с моими сновидениями, но, может, Володя уже не будет мне сниться. Слава Богу, что я не одна, со мной любимый человек, дочери, внуки. Мое собственное творчество. Трудно сказать, что было бы, если бы, кроме Володи, не было никого и ничего. С ума бы сошла, точно.

ВВ шел на концерт, я его встретила, спрашиваю: — Ведь это ты, Володя Высоцкий? — Да! — Я люблю тебя с 1980 года, я написала столько стихов тебе! Я тебя не отпускаю, ты мой! Обнимаю, целую в губы. Он сначала сопротивляется, а потом сам начинает страстно целовать меня, не отрываясь. Говорит: — Ну, все, концерта не будет, пойдем куда-нибудь! Идем в

обнимку, какой-то большой зал, кулисы, мы падаем на пол и продолжаем целоваться...

**Из первого сборничка «Мой Высоцкий»,
1990 г
На стихи некоторых...**

Ваши слезы лицемерные претят.
Не кощунствуйте над прахом светлым этим!
Кто поверит вашей скорби?
А хотя...
Есть людишки всякие на свете.

Да, он был ПОЭТ.
И беззащитен...
Перед подлостью и вашей одинок.
Оправдания не ждите, не ищите!
Дух его витает между строк.

Дух его отмщения не просит.
Он о друге жаждал горячо.
Если ваша рать меня не скосит,
Прислоню к его плечу плечо.

*Наивное, но искреннее стихотворение,
написанное давным-давно, вошедшее лишь в
первый сборник, 1990 года.*

Проза. Воспоминания. Размышления

Герой нашего времени Или феномен по имени Владимир Высоцкий

В этом году исполнилось 25 лет со дня преждевременной кончины нашего выдающегося современника-Владимира Семеновича Высоцкого. 25 июля 1980 года его уход был отмечен кратким некрологом в российской газете «Советская культура», а 28 июля, пренебрегая первыми в истории спорта СССР Всемирными Олимпийскими играми, вся Москва и вся страна хоронили Высоцкого. И вот уже четверть века люди, для которых жил и творил Поэт, отмечают две даты: 25 января (день рождения) и 25 июля (день кончины) Владимира Высоцкого. Почтим же и мы сегодня его память — встанем и помянем.

При жизни поэт Владимир Высоцкий ни разу не публиковался. Его песнями-стихами и просто стихами пренебрегали маститые поэты типа Евтушенко, Вознесенского, пеняя ему на неправильную глагольную рифму: кричу — торчу. А что им стоило замолвить пару слов в редакции любого столичного журнала, даже газеты? Сколько бездарей они благословили! И где они ныне — все эти бездари-однодневки?

Был у меня лично случай в Москве в редакции альманаха «Поэзия». Я разговаривала с гл. редактором Н. Старшиновым, фронтовиком, достойным человеком, хорошим поэтом, и спросила его, приносил ли к ним в редакцию стихи Высоцкий. Н.Старшинов ответил: «Приносил, но это же не поэзия!» Мне стало неловко за него, и я тогда же в нем разочаровалась. Кстати, два моих стихотворения, не самых лучших, были опубликованы в этом альманахе.

Помню, как вышла первая книга стихов ВВ «НЕРВ» в 1981 году. Ну, почему и каким образом пробрался в предисловие Роберт Рождественский, до мозга костей придворный, партийный, «совейский» поэт?

Стыдно должно быть А. Вознесенскому с его посмертным посвящением ВВ, когда он издал свое стихотворение, похоронив живого Высоцкого. Как говорится, ради красного словца... Накаркал. А Евтушенко? Быстренько накропал стишок: «В распродаже — Высоцкий». Ну и что? Завидки взяли? Да уж! Такой всенародной любви Евтушенко точно не светило. Ни при жизни, ни после смерти.

Ну, ладно, разберемся, как говорил Владимир Семенович. Запад до сих пор считает, что на всю огромнейшую территорию у нас лишь три мегазвезды: Евтушенко, Вознесенский и Ахмадулина. Что уж говорить о разных мелких: Рубцове, Прасолове, Чичибабине, Тряпкине и других русских поэтах, несправедливо забытых и обделенных вниманием. А ведь именно кучка, далеко не могучая, вершила судьбы многих и многих. Прах их поberi! Именно они, а не послушные редакторы не пускали в Поэзию, не допускали до публикаций. Они — палачи русской поэзии, а не редакторы!

Они погубили Высоцкого, а не водка и наркотики. Он был прежде всего **поэтом**, а потом уже всем остальным. И потому главной его обидой, мне думается, было непризнание его как поэта.

Творчество В. — глобально. Какую же непомерную ношу взвалил Господь, пусть на крепкие плечи, но на душу тонкую, ранимую («поэты ходят пятками по лезвию ножа, и режут в кровь свои босые души!»)

Судьба поэта всегда непроста. Тем более — при тоталитарном строе насилия над человеческой личностью. ВВ не казнили, как Эзопа, не распяли, как Христа («а в 33 распяли, но не сильно»), не отрубили

руки, как Виктору Хара, его «совейская» власть унижала и уничтожала запретами и непризнанием, его существование в поэзии замалчивалось. Кто помнит имена палачей? Помнят имена героев: «У всякого времени есть палачи, у всякого времени есть и герои. И славу героям трубят трубачи, могильщики яму им роют» (стихотворение автора).

Воистину, у ВВ было недюжинное сердце. Столько смочь, столько пережить, столько написать, столько сыграть ролей в театре и кино, столько истратить нервных клеточек и мощи ума и сердца на нас с вами, помнящих и любящих его! И оно не выдюжило: разорвалось. «Идет охота на волков, идет охота!» Он пел о волках, имея в виду себя, человека. В советское время охота все же шла скрытно, ныне охота на людей, отстрел неугодных идет среди бела дня.

В моем понимании ВВ был больше, чем поэт, в классическом смысле слова Поэзия.

Его творчество соединяло в себе множество жанров: он был и менестрелем, и бардом, и шансонье. Но общее звучание было одно: гражданственность. В этом его можно сравнить разве что с Франсуа Вийоном.

Песни ВВ написаны от лиц множества героев, от лиц людей множества профессий, написаны так емко, так весомо, так зримо, с таким знанием профессий, будто он сам прожил все эти жизни, сам испытал на себе множество экстремальных ситуаций!

Владимир Высоцкий не был артистом, не был певцом, не был композитором, не был поэтом — по отдельности. Он был всем, но превыше всего — Глашатаем, рупором тысяч и тысяч людей, которые не могли высказать то, что думают, чувствуют, он говорил за нас всех, высказывал наши мысли и чувства — один за всех.

Как артист он выпирал из ряда, он не перевоплощался полностью (как Смоктуновский в

«Гамлете»), он всегда во всех ролях оставался Высоцким, в т. ч. в своих последних ролях Жеглова и Дона Гуана. Все роли, сыгранные им в театре и кино не соответствовали его внутреннему содержанию как личности. Не было роли, достойной

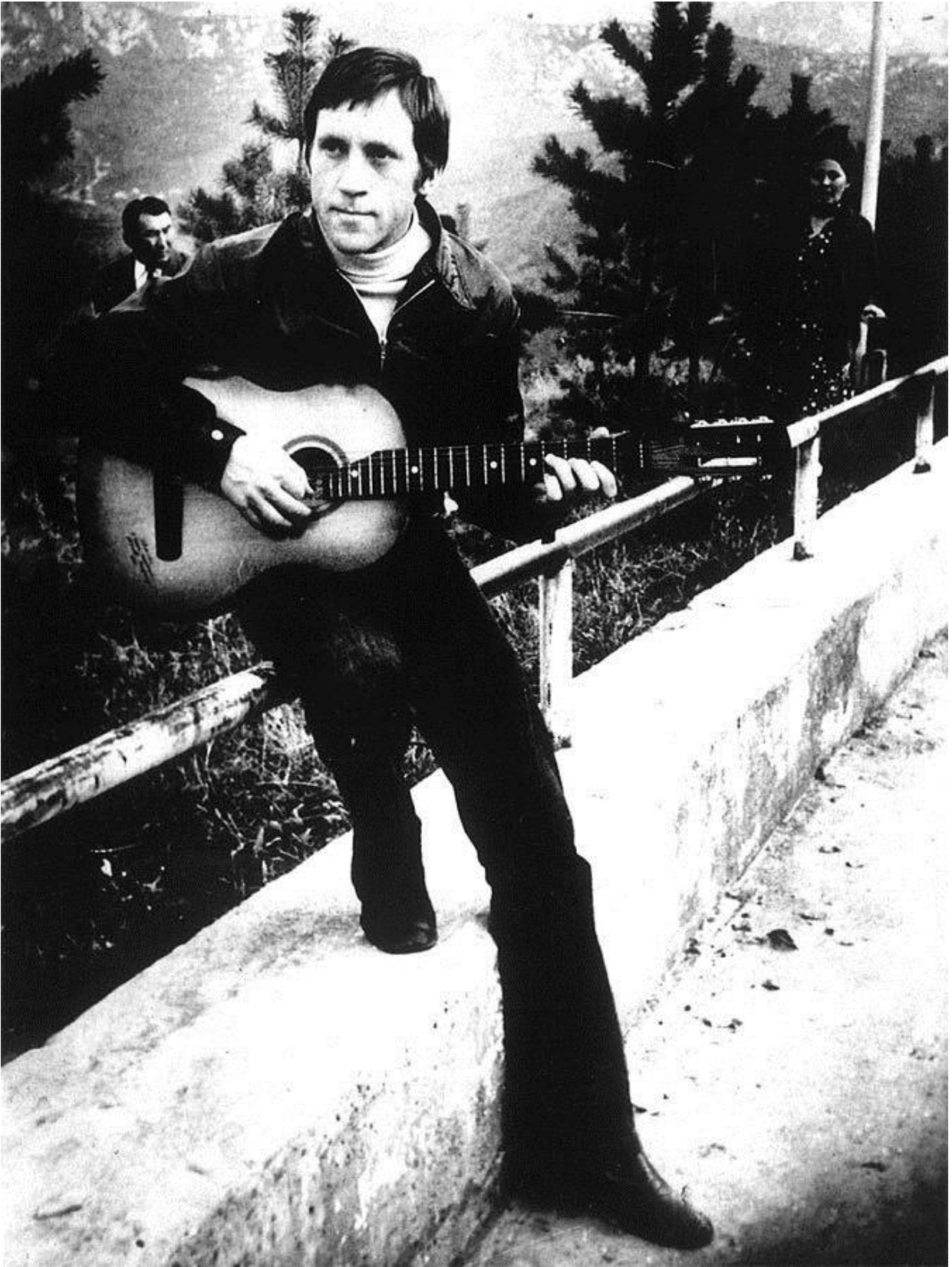
Человека по имени Владимир Высоцкий. Может, ему нужно было сыграть самого себя, но такая роль не была написана. Даже большинство его песен к фильмам, по соображениям цензуры, не попадали на экран. «И может, было мне предназначение высокое, ибо чувствую в душе своей силы необъятные...» — думал о себе герой Лермонтова Печорин, герой того времени.

В то время была контрабанда, война на Кавказе с чеченцами, дуэли — отдушины для натур, жаждущих деятельности, риска, смертельной опасности. Время Высоцкого: алкоголизм, наркотики, криминал, — уже не отдушины для натур деятельных, а способы расслабления, забвения от удушья затхлой атмосферы «сонной державы, что раскисла, опухла от сна», от идеологии подавления личности, жестокого пресса мыслящих инако.

Одним словом, была борьба на выживание с помощью саморазрушения. Такого рода борьба достойна сочувствия. Иначе герой нашего времени не мог. А, возможно, и не хотел.

Р. С. Эта статья была написана в 2005 году, а опубликована в № 1 журнала «Простор» в 2008 году, на 70-летие со дня рождения Владимира Семеновича.

10 дней, которые потрясли Алма-Ату
ВАЛЕРИЙ НОВИКОВ, журналист
Воспоминания о встречах с
Высоцким Владимиром
Семеновичем

Владимир Высоцкий на горе Кок-Тюбе, Алма-Ата, 1973 год

Встреча первая

В сентябре 1973 года в наш город на 10-дневные гастроли со всеми выездными спектаклями приехал театр на Таганке во главе с режиссером Юрием Любимовым. В спектаклях были задействованы уже ставшие популярными артисты: В. Высоцкий, Б.Хмельницкий, В. Золотухин, А. Демидова, Н. Шацкая, С. Фарада и др.

Разумеется, в столице царил ажиотаж, билеты практически достать было невозможно, доставали по блату или с переплатой. Высоцкий уже тогда был моим кумиром. Разве я мог упустить возможность увидеть его живьем на сцене? Мечтал взять автограф хотя бы на программке... В те советские времена артисты казались нам небожителями или

Богам на Олимпе. Поэтому я всеми правдами и неправдами сумел обилетиться, и мне даже удалось приобрести четыре билета. Вчетвером: я с женой, мой друг Виктор Парфенов с девушкой — отправились на первый же спектакль: «10 дней, которые потрясли мир».

Спектакль начинался с самой первой нижней ступеньки лестницы Дворца имени Ленина (сейчас Дворец Республики): революционные матросы и солдаты с красными бантами накалывали корешки билетов прямо на штыки винтовок. Высоцкий, Хмельницкий и Золотухин пели весьма фривольные частушки. Зрители сразу попадали в другой, фантастический мир театра. Высоцкий был тогда для нас настоящим кумиром, которому не было равных по всенародной любви к нему и поклонению его талантам. Лишь ничтожно малая величина была к нему равнодушна.

Естественно, зрители окружили своего любимца, поднимались вслед за ним по ступенькам, стояли вокруг него в фойе и, наконец, вошли в зал. Спектакль был вольным пересказом произведения Джона Рида. Мы сидели, затаив дыхание и открыв рты. Высоцкий играл Керенского и еще несколько ролей, часто пел, может, и свои песни, и чужие. Я буквально пожирал Высоцкого взглядом, выделяя его из всех. Зал бурно реагировал на любую реплику актеров, аплодисменты не смолкали...

Воистину, для Алма-Аты приезд Таганки был культурным событием номер один.

Жизнь была тогда другая. У телевизора интеллигенция не сидела, смотреть было нечего, читали книги. О театре я был наслышан. Несколько раз бывал в Москве в командировках, но попасть туда так и не удалось.

После окончания спектакля мы подошли к новенькому «жигуленку» (недавно приобретенному Виктором). Не хотелось уезжать: под таким сильным впечатлением мы находились. Машина стояла с правого крыла Дворца, недалеко от служебного входа. Мы надеялись еще раз увидеть Высоцкого, если удастся, попросить автограф.

Спектакль начался в 7 часов вечера, закончился около 12 ночи. Вскоре начали выходить артисты: их ждал служебный автобус. Вышли и Высоцкий с Золотухиным.

Постояли, осматриваясь, и неожиданно направились в нашу сторону. Владимир

Семенович был роста невысокого, но ладно скроен, одет простенько: курточка замшевая, джинсы. Но выглядел, как сейчас говорят, стильно.

— Ну, как, ребята, вам спектакль? — запросто поинтересовался он.

— Классно! — выдохнули мы все разом.

— А вы меня знаете?

— Ну, конечно!

— Не могли бы вы нам с другом помочь?

— А что делать-то надо?

— Понимаете, в вашем городе у Валеры живет его бывший школьный учитель. Валера написал ему, что мы будем здесь на гастролях в это время, и он ждет его в гости.

Валера был его любимым учеником, а Владимир Фомин был его любимым учителем, они в то время жили на родине Валерия на Алтае в селе Быстрый Исток. У нас и адрес есть. Может, подбросите?

— А какой адрес? — спросил я.

— Село Покровка. Знаете?

— Ну, конечно! Садитесь, поехали!

— Я счас! Валера, садись!

Володя сбегал к автобусу и вернулся с двумя девушками: Нина Шацкая и еще одна актриса, фамилии которой я не знал. С трудом и со смехом кое-как разместились в машине, и мы довезли наших дам до дома. Дальше поехали с большим комфортом: Виктор — за рулем, Володя — рядом, а мы сзади — с девушками на коленях. ВВ был совершенно трезв, а Золотухин почему-то оказался сильно пьяным. Всю дорогу он ругался скабресными словами, говорил Нине Шацкой (своей жене) всякие гадости. Я сам не был пай-мальчиком, вырос во дворе пивзавода, но мы при девушках обычно не выражались, старались вести себя прилично. Я хорошо относился к актеру Золотухину по фильму «Бумбараш», но его поведение в машине, кроме стыда и неприязни, не могло вызвать других чувств. Мало того, что он при посторонних людях проявлял свое бескультурье и пренебрежение к нам, провинциалам, но еще и Володю ставил в неловкое положение. Тот всю дорогу пытался его урезонить, отвлекал наше внимание анекдотами, хохмачками, театральными байками, одним словом, разряжал обстановку.

Наконец мы приехали, нашли дом, выгрузились из машины, Золотухин зашел в подъезд, быстро вернулся, сказав «нас ждут». Володя задержался, стал нас благодарить: — Спасибо, ребята! Обратно мы сами как-нибудь доберемся, вы и так нас здорово выручили.

В те годы Алма-Ата после восьми часов вечера как вымирала: ни людей, ни машин.

Мы предложили довести их из гостей до гостиницы. ВВ начал отказываться, что, дескать, неудобно гонять людей по ночам. В результате мы все-таки napросились приехать за ними к 3 часам ночи.

Мы с Виктором катались по городу, делясь впечатлениями о спектакле, о наших попутчиках, нам как-то все еще не верилось, что мы познакомились с самим Высоцким! Время пролетело, и мы вернулись в Покровку. Прождали еще около часа, но вот компания появилась. Все были пьяненькие, кроме Володи. Золотухин, как залез в машину, так, слава Богу, отключился. Жаль, не было у нас тогда магнитофонов: Володя, пока ехали, много рассказывал разного. Благополучно доехали до гостиницы Алма-Ата, помогли выгрузить Золотухина.

— Билеты-то есть на остальные спектакли? — спросил на прощанье Володя.

— Откуда? На сегодняшний еле достали... — невесело ответил я.

— Завтра в 6.30 подходите к служебному входу, берите с собой, кого хотите, все пройдет.

Мы, правда, не очень-то поверили, но решили попытать счастья. Ровно полседьмого подошли к служебному входу, где стояла толпа жаждущих попасть на спектакль. Еле пробрались до вахтера, попросили позвать Высоцкого. Он процедил сквозь зубы: —

Много вас тут таких ходит. Что, такой известный человек будет к каждому выходить?

Мы обескуражено молчали. Вдруг за пять минут до звонка в костюме и гриме поспешно выходит Владимир Семенович: — Пришли? Ну, молодцы! Кто еще с вами?

Мы дружно ответили: — Только наши девушки. Он к вахтеру: — Это мои друзья. Пропустите! Тут подходит одетый в дорогой костюм, вальяжный директор Дворца Ленина Яков М. ВВ обращается к нему: — Яша, лучшие места этим молодым людям.

Тот приходит в большое смущение: — Откуда, Владимир Семенович? ВВ: — Сделайте это для меня, Яша. Я, не растерявшись, спрашиваю: — Фотографировать можно? Я тогда уже был профессиональным фотографом. ВВ сходу отвечает: — Вам — можно!

Счастливые, мы отправляемся за директором в зрительный зал, где рассаживаемся действительно на лучших местах, очевидно, по броням не все пришли.

После окончания спектакля мы не уезжаем, а сидим в машине. Высоцкий уже подходит к нам, как к старым знакомым: — Ну, что, с вами поехать? — и садится на переднее сиденье. Мы подвозим его к гостинице и предлагаем свои услуги в качестве экскурсоводов по родному городу и его достопримечательностям. Мы любим Алма-Ату как истинные патриоты. Володя соглашается, предупреждая, что сможет быть в нашем распоряжении только через четыре дня, так как очень большие нагрузки ежедневно. Помимо репетиций встречи, выступления и т. д. Короче, все дни расписаны по часам, свободное время выпадает после обеда до 3-4 часов.

Встреча вторая

Через четыре дня мы повезли его на наше знаменитое МЕДЕО. Высоцкий уже где-то слышал о плотине. Первый взрыв был в 1966 году, второй

готовили как раз этой осенью. Был у меня еще один близкий друг: Саша Куркин, директор гаража госбанка.

В то время радиофицированных автомашин «Волг» были единицы. Я позвонил Куркину и сказал, что мы познакомились с Высоцким. Он не поверил. Пришлось мне даже побожиться. Одним словом, я предложил ему подъехать назавтра к 12 дня к гостинице Алма-Ата, на всякий случай прихватить гитару и самому убедиться. Он попросил инструмент у нашего общего друга Анатолия Пурица, самую обычную за 7 рублей гитару и положил ее в багажник. Без пяти 12 ко входу в гостиницу подрулила серая «Волга» с госномерами. Мы с Виктором уже стояли там. Ровно в 12 вышел Высоцкий, к нашему удовольствию, он был один. Володя оказался очень обязательным и пунктуальным человеком.

За рулем был сам Саша. Короче, сели мы и погнали. Личные машины на Медео не пропускали. Вдоль всей дороги стояли посты. Некоторые постовые, козырнув, беспрепятственно пропускали правительственную машину, некоторые, взмахнув жезлом, тормозили. Заглянув в машину, узнавали Высоцкого, и вопросов не возникало. Место будущей плотины было разрезано траншеями для взрывчатки, которую доставляли в Алма-Ату вагонами и возили на Медео грузовиками.

Начальство и работяги глазам своим не верили, что видят самого Высоцкого. Ему дали каску, брезентуху, поскольку на Медео выпал ранний снег и изрядно похолодало.

Потом стали рассказывать и показывать. Володя не только очень заинтересованно и внимательно слушал, но и задавал вопросы по существу, вникал во все подробности, с дотошностью специалиста-взрывника. Так продолжалось больше часа, но Володя не торопился. Мы уже начали нервничать, так как в ресторане-юрте на Кок-Тюбе заказали столик. Девчата-официантки тоже нам не поверили, мол, брешете парни, как это Высоцкий

здесь да еще и с вами. Наконец, с искренним восхищением обозрев наши великолепные горы, Володя с неохотой пошел к машине, поблагодарив за рассказ и показ и дружески распрощавшись со всеми.

В юрте мы не спеша пообедали, без грамма выпивки, но со всевозможными казахскими деликатесами. Правда, мы Володю, к сожалению, не удивили, он рассказал за столом о том, что уже успел побывать с выступлениями в Чимкенте, Усть-Каменогорске, где в его честь устраивали банкеты с национальным угощением.

После плотного обеда немного погуляли, Володя без усталости восторгался горами.

Возможно, под тогдашним впечатлением он и написал целый цикл песен о горах.

Хотелось бы так думать. С большим смущением я попросил его сыграть на гитаре и спеть хотя бы одну песню. — Ну, а че не спеть? Гитара есть? Саша достал гитару из багажника. Володя по-доброму усмехнулся: — Ах, вы гады... — взял в руки гитару и запел. Мгновенно собралась вокруг толпа. Он спел несколько песен и сказал: — Ну, все, поехали! В машине Саша попросил, чтобы Володя расписался на гитаре. — Знали бы вы, на скольких гитарах я уже расписался! Давайте ручку. Чья гитара? Саша Куркин сказал, что его. — Как тебя зовут? Высоцкий написал: «Саша, я играл на ней.»

И поставил свою роспись. Эту гитару Саша Куркин не вернул хозяину, и до сих пор хранит, как реликвию.

Третьему нашему товарищу Толику Пурицу, на чьей гитаре расписался Высоцкий, посчастливилось увидеть Владимира Семеновича в роли Гамлета в Москве, а в том же 1973 году познакомиться с ним в Алма-Ате. Об этом он расскажет сам.

Анатолий ПУРИЦ
Две встречи с Высоцким

Примерно в 1968 году я оказался в Москве и, конечно же, сразу ринулся к театру на Таганке, на Высоцкого. Я знал, что билеты были проданы на полгода вперед. Но я не терял надежды попасть на любой спектакль. Возле здания толпились люди, ждущие счастливой случайности: лишнего билетика. Вдруг раздался голос: — Кому билет? Я бросился на голос, не раздумывая, вцепился в тонкую бумажку. Кто-то тянул меня за волосы, кто-то — за ворот рубашки, пытаюсь оттащить от обладателя билета. Но я уже протянул парню три пятерки (билет стоил рубль) и зажал драгоценный билет на «Гамлета» в кулаке. Протаранив толпу, прорвался ко входу, протянул билет контролеру.

— Молодой человек, это же пустой бланк! — сказал контролер и оттолкнул меня в сторону. Я потребовал администратора. Вышла приятная женщина, я объяснил ситуацию. — Юноша не виноват в чужой подлости, к тому же он приезжий, издалека, — с этими словами она завела меня в зал и посадила на приставной стул к первому ряду.

Начался спектакль. Вышел Высоцкий в черной водолазке, в черных брюках, с гитарой на широком ремне: — Гул затих. Я вышел на подмости, прислонясь к дверному косяку. Я ловлю в последних отголосках, что случится на моем веку... С этого мгновенья я был будто загипнотизирован игрой Высоцкого. Я забыл, что это игра, что Высоцкий играет Гамлета. Мне казалось, что после такой трагедии на сцене, отдав столько сил зрителям, можно сразу умереть. И Гамлет умирает... Мне подумалось тогда, что Высоцкий прожил эту роль на сцене сильнее, чем написал автор пьесы Шекспир. Под большим впечатлением вместе со всеми вышел из здания, пошел к служебному входу, подошел к авто Высоцкого. Но подойти к самому Владимиру Семеновичу не решился, не осмелился.

Однако судьба свела меня с ним в 1973 году на гастролях театра в Алма-Ате.

Владимир Семенович встречался со студентами КазГУ, и я оказывал некоторое содействие. Накрыв дома хороший стол, надеясь пригласить ВВ на обед, поехал в университет. Машину припарковал у самого входа. Перед началом мне удалось познакомиться и поговорить с ВВ. Я был поражен простотой общения с ним. В разговоре намекнул на обед. Он мне прямо ответил, что он не пьет, но пообедать можно, если останется время...

После концерта мы вышли на улицу с намерением поехать ко мне на обед. Но в этот момент подъехал милицейский «газик». Мой друг Максим Есентугелов, который был со мной, прокомментировал: — «Ну, погоди!» пожаловали! Вышедшие из машины сотрудники милиции подошли к нам и обратились к Высоцкому с просьбой дать концерт в МВД КазССР. ВВ улыбнулся и сказал, обращаясь к нам: — Извините, ребята, не могу отказать советской милиции, — и сел в «газик».

Рядом с нами стоял один из артистов труппы, который слышал наш разговор насчет обеда. Взглянув на наши расстроенные лица, он предложил: — Ну, что, ребята, коли стол накрыт, чего добру пропадать! Так к нам на обед попал Дмитрий Межевич, с которым мы долго говорили обо всем.

По большому благу мне удалось достать билеты на несколько спектаклей. На одном из них в антракте я прорвался в актерскую, и мы стали разговаривать с Владимиром Семеновичем, как старые знакомые. Так заговорились, что он едва ни опоздал на выход, а я с трудом попал на свое место в зал, который после антракта закрыли. От тех «10 дней...» осталось драгоценное фото ВВ, отснятое Валерием Новиковым на фоне наших гор на Кок-Тюбе, которое я хранил 36 лет!

Р. С. Вспоминая с друзьями наши незабываемые встречи с Владимиром Семеновичем, я с иронией обращаюсь к Александру Куркину: — Саша, отдай мою гитару! На что он отвечает: — Высоцкий подписал ее мне.

Продолжение воспоминаний Валерия Новикова

К своей популярности Высоцкий относился двояко. Будучи по природе скромным, он воспринимал ажиотаж вокруг своей персоны как неприятную необходимость. Как человеку публичному: актер, певец — ему приходилось мириться с преклонением перед его талантом. В нем не было заносчивости, высокомерия даже по отношению к нам, обычным простым парням. Он общался с нами, как с равными, не выказывая превосходства. При всей своей уже тогдашней славе он был вежливым, воспитанным, тактичным. Это сильно импонировало нам и вызывало еще большее восхищение. По дороге с Медео Володя вдруг сказал: — Я тут песню новую написал «Про козла отпущения», еще никому не показывал, хочу вам спеть. И он спел. Мы слушали, затаив дыхание, и были страшно горды тем, что были первыми слушателями. Не все поняли, конечно. Ведь смысл многих его песен нужно постигать постепенно, слушая не один раз и вдумываясь в каждое слово.

Этой осенью почему-то было пасмурно, прохладно, моросил дождичек, хотя обычно у нас в сентябре бабье лето: тепло, солнечно. Но все равно осень в Алма-Ате бесподобная: желтая, оранжевая, красная. Всю дорогу Володя восторгался нашим городом, осенним разноцветьем деревьев.

Подъехали к гостинице, Володя вышел и попросил: — Ребята, немного подождите, пожалуйста, если можно.

Одно дело намечается. В эту минуту из гостиницы вышел Юрий Любимов. Володя кинулся к нему навстречу. Получилось так, что они остановились и стали разговаривать метрах в трех от машины. Я стоял возле дверцы и невольно оказался свидетелем разговора, явно не предназначенного для чужих ушей.

— Петрович, мне надо обязательно в Москву на один день.

— Че такое?

— Очень надо. Марина ждет в Париже. Я должен срочно оформить визу.

— Володя, ты же знаешь, после Алма-Аты сразу Ташкент. Там ждут тебя! Если я тебя отпущу в Москву, ты там будешь без присмотра, можешь сорваться...

— Я обещаю, я клянусь, я сразу прилечу в Ташкент! Поверьте мне! Очень надо!

— Право, не знаю, что и делать. Если ты меня подведешь... Да что меня! Сотни зрителей!..

— Ну, пожалуйста! — не отступал Володя.

Так продолжалось с полчаса. Наконец Любимов направился в гостиницу, а Володя подошел к нам.

— Ребята, слушайте! У Петровича завтра день рождения, и он любит виски. Ничего другого не пьет. Мне надо, кровь из носу, найти ему в подарок бутылку. Тогда он меня отпустит в Москву. Понимаете, Марина организовала большую поездку с выступлениями по городам Франции, я не могу ее подвести. А в Ташкенте у нас всего один спектакль, и мы возвращаемся в Москву.

Мы, конечно, видели в кино красивые бутылки, слышали, что есть такой напиток за границей, и в Москве можно достать. Но у нас? Вдруг я вспомнил, что одному нашему товарищу когда-то подарили бутылку виски. Я не стал говорить Володе, чтобы зря его не обнадеживать. — Мы поищем, Володя, постараемся, найдем, привезем! — Буду ждать и надеяться, — и он пошел в гостиницу. Я сказал Саше, куда ехать. На мою (и

Володину) удачу, товарищ оказался дома, и бутылка виски стояла в серванте, как антиквариат, не один год. Я буквально встал на колени, умоляя продать мне эту бутылку за любые деньги. Товарищ не был жлобом и отдал мне злополучную бутылку. До сих пор помню название: CLUB 99. Больше никогда такого не встречал.

CLUB 99 многолетней выдержки! Прижимая емкость к груди, я вышел к машине. Как и обещали, вызвали Володю из гостиницы и вручили ему бутылку. Принимая виски, Володя хмыкнул с одобрением и сказал: — Ну, парни! Вы просто молодцы! Огромное вам спасибо! Вы меня здорово выручили. Никогда не забуду. Приедете в Москву, контрамарки для вас всегда найдутся.

Встреча третья

Один день у труппы был свободным от спектаклей, и несколько артистов должны были отправиться с концертом в военное училище им. Конева, которое находилось на 70-м километре в сторону Капчагая. Мы подъехали к гостинице в назначенное время, Володя уже привычно сел на переднее сиденье. Остальные актеры загрузились в автобус. Поехали. На воротах стояли часовые. Автобус проехал беспрепятственно, мы тоже, так как солдаты увидели в машине Володю. Зал был полон. На передних местах в самом центре восседал начальник училища, генерал Варсаян, дальше офицеры, короче, все располагались по рангу. Многие офицеры были с разодетыми женами.

Артисты вышли на сцену: Любимов, Высоцкий, Зинаида Шарко, Нина Шацкая, Золотухин, Хмельницкий, Фарада и наша Полицеймако. Юрий Петрович сказал вступительное слово. Вышел Золотухин, начал петь, по окончании его выступления раздались жидкие аплодисменты. Стало понятно, что ждут выступления Высоцкого, остальные публике неинтересны. Володя

сидел на стульчике в углу в вельветовой курточке с кожаными заплатками на локтях. Нам похвалился, что Марина привезла. Я потом тоже себе такую достал у фарцы. Вялотекущий концерт продолжался. Выход Высоцкого сопровождался шквалом аплодисментов, многие встали. Клуб был задрипанный, больше похож на сарай или барак, как сейчас помню. Володя начал петь самые хулиганские, так называемые блатные песни. Передние ряды растерялись, стали переглядываться. Как же так? Что делать? Нужно остановить это безобразие! Нужно блюсти моральный облик будущего советского офицера... Володя мастерски довел ситуацию до пика, зал держал под контролем и все видел, резко оборвал блатной цикл и перешел на военные песни. Когда закончил выступление, курсанты встали и стали скандировать: Вы-соц-кий, Вы-соц-кий! Не хотели его отпускать. Володя поднял руку: — Еще не все мои товарищи выступили, — и, поклонившись, ушел со сцены.

Встреча четвертая

Закрывались гастроли спектаклем «10 дней, которые потрясли мир». За день до этого мы встретились с Высоцким, и он нам говорит: — Парни, Петрович отпустил меня на один день в Москву, самолет в 9 вечера. Поэтому я отыгрываю в первых актах и погоним в аэропорт. Успеем доехать? — Постараемся не подвести! — ответили мы. —

Только давайте вещи заранее погрузим в машину. — Есть! Я выйду до начала спектакля.

Короче, начало спектакля мы посмотрели, а потом вышли к машине и стали ждать.

Его спортивная сумка лежит на заднем сиденье. Время идет, самолет, по идее, должен уже улететь. Спектакль закончился, народ выходит. Выбегает

Высоцкий, падает в машину: — Погнали! К нему бросается Петя, замдиректора Казахконцерта: — Владимир Семенович! Давайте ко мне! — Я с ребятами поеду, — отвечает Володя. Саша жмет на газ, и мы погнали.

По дороге выяснилось следующее. На последний спектакль собственной персоной пожаловал первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Димаш Ахметович Кунаев.

Естественно, он пришел на Высоцкого. Любимов сказал Володе: — Ты полетишь, но должен отыграть до конца. — Но как же? Я опоздаю! Самолет улетит! — в панике крикнул Высоцкий. — Не опоздаешь, самолет тебя подождет. Есть договоренность.

Короче, мчимся на большой скорости. Приехали мы в аэропорт, подрулили прямо к трапу самолета. Пассажиры сидят нервные, ждут около трех часов. Володя вышел из машины, на трап высыпали пилоты, стюардессы. На прощанье Володя оставил нам домашний и телефон театра. САМОЛЕТ ТУ-154 ВЗМЫЛ В ВОЗДУХ.

Встреча пятая (в Москве)

Спустя год, в 1974 году я оказался в командировке в Москве. Перед отъездом напечатал фотографии, купил самую огромную ташкентскую дыню. В столице остановился у дальней родственницы, по возрасту немного старше меня. Звоню Володе, представляюсь. Он, ну, как же, конечно, помню. На спектакль придешь? — Обязательно. — Заходи через служебный вход, меня позовут. Я радостно сообщаю хозяйке: — Завтра пойдем в театр на Таганке. Володя Высоцкий пригласил. Она в шоке: — С луны свалился, да? Да москвичи не могут попасть на Таганку! Не знала, что ты такой трепач. Назавтра подходим к служебному входу, вызываем

Высоцкого. Он выходит с расprostертыми объятами — Валера, привет! Родственница как выпала в осадок, так и пошла в зал, как под гипнозом. Володя повел меня в кабинет Любимова, я отдал ему авоську с дыней, сказав, что гостинец из Алма-Аты, отдал фотографии. В кабинете собрались артисты, стали рассматривать фото. Дыню Володя разрезал на части, и все дружно угостились.

Встреча шестая (там же)

На второй день опять я пошел на Таганку. Вахтер меня уже запомнил. Володя вышел и спрашивает: — У тебя права, случайно, не с собой? — Нет, — с недоумением отвечаю я. — Ну, ладно, без прав сойдет. Понимаешь, надо одну нашу девочку отвезти домой, она вещь важную забыла. Я не могу, занят в спектакле. На моей машине сможешь? — Как? Я же Москву совсем не знаю! — Она тебе будет дорогу показывать. Пошли! Мы вышли из здания, с нами девушка. Подходим к «мерседесу» коричневого цвета. Я, конечно, в величайшей растерянности, такие машины только в кино видел. Володя дает мне свой техпаспорт, усаживает меня за руль, быстро объясняет устройство коробки-автомата, говорит: — Ну, все, с Богом! Убегает в здание. Я порулил по Москве, благополучно съездили и вернулись, но спектакль я не посмотрел.

Потом в течение многих лет звонил Володе по телефону, поздравлял его с днем рождения 25 января. Как ни странно, он меня узнавал сразу, наверняка, у него была отличная слуховая память. Я ужасно гордился, что знаком с самим Высоцким! Что он узнает меня! А ведь я такой, просто знакомый, уверен, был у него одним из 200–300 человек!

В 80-м году мы с женой летели через Москву по путевке в Болгарию. Я позвонил Володе, сообщил, что

будем в Москве 28 июля. Он сказал, что сейчас уезжает на гастроли, а в конце июля будет в Москве. — Обязательно позвони, оставлю контрамарки, и вообще увидимся, — сказал он.

Мы вылетели из Бургоса на самолете с российским экипажем. Вдруг по громкой связи слышим песню Высоцкого, затем голос пилота: — Уважаемые пассажиры, хочу сообщить вам горестную весть: 25 июля умер Владимир Высоцкий. Я был как громом пораженный. Как же так? Ведь совсем недавно я говорил с ним по телефону! В Москве я, конечно, попытался пройти к гробу с телом Высоцкого, но, к сожалению, не смог. Я видел, как хоронили народного поэта, певца и артиста. Скорбела вся Москва и весь Советский Союз. И даже заграница, которая уже его знала. Траурная Москва в жаркий июльский день на фоне помпезной красочной Олимпиады навсегда запечатлелась в моей памяти.

Литературная обработка автора

По поводу концерта памяти Высоцкого «Своя колея», 25 января 2016 года на сцене театра на Таганке и в октябре того же года в филармонии города Алма-Ата Республики Казахстан

В Москве

Похоже, на этот раз был не концерт памяти ВВ, а издевательство над его памятью. На сцене пели ЕГО песни не профессионалы, за редким исключением 3-5 человек, а сборище доморощенных самодеятельных певцов и певичек. Песни были выбраны не самые лучшие, а скорее — не очень удачные в смысле поэзии. Зачем появилась песня «Восход»? Сколько можно перепевать блатягу, которую Володя сам уже избегал в зрелом возрасте? Какое право имела какая-то Кормушкина изменить мотив ВВ в его песне-кредо «Я не люблю...»? Насколько я соображаю, такое делается с согласия автора или вообще не делается. Все дозволено, если автора нет в живых? А главное, кто посмел? Да никто! Это неэтично, и бессовестно, и нарушение авторских прав. Как попала на сцену знаменитой в прошлом Таганки матрешка (или грелка?) на чайник, именующая себя нагло Ваенга, ничтоже сумняшеся вставив букву «е» в имя великой Ванги. Ее жалкие пассы руками не в такт музыке производят «неизгладимо-отвратное впечатление» своей несуразностью. Представляя ее, Харатьян посмел вякнуть, что она сама-де пишет тексты своих песен. Слышала я эти тексты: слабоумный лепет деревенской дурочки из переулочка.

Как вообще можно в присутствии песен Высоцкого упоминать чьи-то тексты, тем более, бездарные? Наверное, пиар был оплачен матрешкой. А хор отвязных мальчиков и одной девочки ну, глубоко половозрелого возраста? Посмешище, да и только! А Гармаш? Ну, нельзя же быть таким всеядным! А Домогаров? Ну, зачем! Мало ему популярности любимца женщин!

А ведущая Ирина Апексимова — вообще глупенькая артисточка, да? В песне (традиционное завершение концерта) «На Большом Каретном» она так раздухарилась, что едва кан-кан не плясала. Скабрёзно выглядело действо. Я еще, посчитав ее человеком, все-таки назначили директором на Таганку, подарила ей свой сборничек «Мой Высоцкий» и диск с 2-мя песнями памяти ВВ, написанными оригинальным композитором Норланом Сеитовым на мои слова из этой книжки. Простите, что не всем отрицательным персонажам уделила внимание, многим не место было на сцене.

Единственное, что понравилось: фото Володи на авансцене крупным планом.

А что отмочил здоровый внешне, но с душонкой пигмея Никита Высоцкий, недостойный фамилии своего гениального отца? Он дал премию «Своя колея» первому врагу Владимира Семеновича, сатане Евтушенко (Евтуху), который будучи мэтром советской поэзии «не пущал» своего более талантливой и любимого народом собрата на страницы печати, не помог даже строчки опубликовать сугубо из зависти.

Ну, ничего, я им воздала обоим, и Евтуху, и Вознесенскому (ныне покойным) в стихотворении «Юбилейное» от имени ВВ. А Владимир Семенович плюнул бы в глаза Никите, если бы вдруг ожил, за такое предательство и подлость. Презираю. Так унижить память своего отца!

В Алма-Ате

А теперь о другом концерте памяти Высоцкого, который состоялся в октябре прошлого года в Алма-Ате на сцене филармонии, где играл духовой оркестр под руководством главного дирижера республики Казахстан Каната Ахметова.

Прекрасные высокопрофессиональные певцы и одна певица исполняли лучшие и всем известные песни Владимира Семеновича. На двух огромных экранах демонстрировались лучшие фото, звучала его живая речь, он сам пел, показывали фото памятников в разных городах России. Это было потрясающе, по-человечески трогательно до слез. Завершился концерт шуточной песней Высоцкого «Гимнастика», под которую певец в спортивном костюме зажигательно стал исполнять упражнения.

В зале раздался веселый смех, все зрители, как один поднялись, начали делать гимнастику и подпевать артисту. Это произошло спонтанно и явилось настоящей данью памяти ВВ. Зал был полон, люди всех возрастов и национальностей стояли в проходах. Певцы тоже были разных национальностей, но молодые и очень талантливые.

Одним словом, алмаатинский концерт в Казахстане и концерт «Своя колея» в Москве на сцене Таганки — это две большие разницы, как говорят в Одессе. Хвала казахстанцам и позор устроителям московского концерта. И после кончины зависть — гадина живучая, не дает покоя ничтожествам.

**Дух Высоцкого из мира
неприкаянных душ**

Предисловие

Два года назад, в 35 лет у моей дочери Майи проявился дар ясновидения. Не на пустом месте, конечно. Как выяснилось (через мою родню) по женской линии в нашем роду были и цыганки, и шаманки. Моя мать была ярая идейная коммунистка, верила в партию и никогда не рассказывала о своих предках. Я-то по незнанию радовалась, что в нашей семье не было репрессированных, оказалось, что почти все родные матери были арестованы и посажены, из Сибири в Сибирь. Моя мать из-под Иркутска, мой дед был бурятом.

За два года у Майи открылось несколько каналов связей с Высшими силами. Через сны она уже побывала в ином мире, в шестом измерении, а ВВ явился ей в мире неприкаянных душ, людей, умерших насильственной смертью. Я давно знала, что ВВ УМЕРТВИЛИ.

Я тоже не простой человек, но мой экстрасенсорный дар пошел по линии писательства: поэзии и прозы. Я пишу не сама, мне диктуют.

У дочери способности медиума, она может общаться с духами умерших людей. В конце ноября в 4 утра ее разбудил дух ВВ, заставил пойти на кухню, открыть тетрадь, взять ручку и записывать стихи. Майя никогда прежде стихов не писала. Я видела черновик, она писала и зачеркивала. Это была диктовка с того света. Она в тот раз написала 4 стихотворения. Естественно, была в шоке, я тоже.

ВВ приходил еще дважды в такое же время. Третий раз не мог утихомириться, заставлял ее исправлять написанное, причем она слышала его голос в подсознании.

Дочь пыталась сопротивляться, но он буквально настаивал на своем. А напоследок сказал: —

Подписывай: В. Высоцкий.

Я ей верю, такое не выдумаешь, да и доказательство — стихи — налицо. По темам стихов я думаю, что ВВ помудрел, стал обращаться к Богу, есть даже какие-то назидательные строки. В целом, я чувствую в этих строках ЕГО ОГРОМНОЕ ЖЕЛАНИЕ ПРОЯВИТЬСЯ, ЧТО-ТО ДОНЕСТИ НАМ, ЧТО НЕ УСПЕЛ.

Больше пока не приходит, возможно, ждет результата.

Я прочла книгу двух нехороших людей «ВЫСОЦКИЙ — СУПЕРАГЕНТ КГБ». Я не хочу верить, но в книге много фактов и не только о ВВ, поэтому этим чудакам на «м» удалось посеять сомнение в моем уме, но умалить человеческое достоинство Володи в моих глазах у них не вышло.

А еще Майя посмотрела психоматрицу ВВ (ДАТА РОЖДЕНИЯ И ДАТА СМЕРТИ) и сообщила мне, что ОН был очень мощным экстрасенсом, но отказался от своего дара во имя ПОЭЗИИ. Ну, и многое другое. Я сначала удивлялась на то, что происходит с Майей, а теперь привыкла. Она уже многое, что делает, а еще проявился дар целительства — руками. Разумеется, она прочитала много книг, связанных с экстрасенсорикой. Но лично я считаю, невозможно выучить человека на ПОЭТА, хотя у нас в Союзе пытались.

Я верю в ДАР, а не в учебу.

**Записано медиумом по имени Майя
18-19.11.13 г**

«Вы, черти, не заглядывайте к Богу!..»

ВЫ, ЧЕРТИ, НЕ ЗАГЛЯДЫВАЙТЕ К БОГУ!
К НЕМУ ВАС РАЗВЕ КТО-ТО ПРИГЛАШАЛ?
ИСЧЕЗНИТЕ! И ДАЙТЕ МНЕ ДОРОГУ,
ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ К НЕМУ Я ВЫБИРАЛ.

ЗАШКАЛИВАЕТ ВВЕРХ МОЕ ТЕРПЕНЬЕ,
Я БОЛЬШЕ НИЧЕГО НЕ ПОПРОШУ
ВЕРНИТЕ МНЕ НА МИГ МОЕ ЗАБВЕНЬЕ,
КОНЕЙ СВОИХ Я БОЛЬШЕ НЕ СДЕРЖУ!

У ВРЕМЕНИ Я УКРАДУ МГНОВЕНЬЕ,
МНЕ НУЖНО РАССЧИТАТЬСЯ ПО ДОЛГАМ.
И ВОТ, СТРОКА К СТРОКЕ — СТИХОТВОРЕНЬЕ,
КАК СТРУНЫ ДУШУ РВУТ НАПОПОЛАМ!

ПРИХОДИТ В СЕРДЦЕ БОЛЬ И ОТПУСКАЕТ,
КАК ТРУДНО МНЕ ДЫШАТЬ НАПЕРЕКОР,
КОГДА МОЯ ДУША СЕБЯ ЛАТАЕТ
И ТИХО ИЩЕТ СТРУНЫ НА ПОДБОР.

«Я не могу найти смирения у Бога...»

Я НЕ МОГУ НАЙТИ СМирЕНИЯ У БОГА,
И У ЧЕРТЕЙ ПОКОЯ НЕ НАЙДУ!
МНЕ ТОЛЬКО СНИТСЯ ЧЕРТОВА ДОРОГА,
ТУДА ОНИ ПО НЕЙ МЕНЯ ВЕДУТ
НЕ ВЫРВАТЬСЯ МНЕ БОЛЬШЕ, НЕТУ СИЛ,
ОТТУДА, ГДЕ МНЕ СВЕТА НЕ ВИДАТЬ.

И КАК Я ТОЛЬКО БОГА НИ ПРОСИЛ,
МНЕ ВСЕ РАВНО ПРИХОДИТСЯ СТРАДАТЬ!
ВХОДИЛ, БЫВАЛО, В РАЗНЫЕ МЕСТА,
И РАЗНЫЕ ВЕЛИ МЕНЯ ПУТИ.
ПОКОЯ НЕТ, ВСЕ СЛЫШУ Я, УСТАВ:
— ВОЛОДЯ, ТОЛЬКО ТЫ НЕ ПРОПАДИ!

«Мне не найти покоя после смерти...»

МНЕ НЕ НАЙТИ ПОКОЯ ПОСЛЕ СМЕРТИ,
В ИНОМ МИРУ СВОБОДЫ НЕ ДАЮТ
ЗАПУТАЛИ МЕНЯ ВЫ СИЛЬНО, ЧЕРТИ!
ВЕРНИТЕ МНЕ ГИТАРУ И ПРИЮТ!!!

«Я всегда искал места приятные...»

Я ВСЕГДА ИСКАЛ МЕСТА ПРИЯТНЫЕ,
ЧТОБЫ ГЛАЗУ БЫЛО, ГДЕ УПАСТЬ.
ВЫ, МОИ МАДАМЫ, ВСЕ ОПРЯТНЫЕ,
В ВАШИХ МНЕ СЕРДЦАХ БЫ НЕ ПРОПАСТЬ.

БЫЛ Я И В ЕВРОПЕ, И В ПАРИЖЕ,
НО ТАКИХ КРАСИВЫХ НЕ ВСТРЕЧАЛ.
МНЕ БЫ К СЕРДЦУ РУССКИЕ ПОБЛИЖЕ,
НО УВИДЕЛ ВЛАДИ И ПРОПАЛ.

СКОЛЬКО ЕЙ ХОТЕЛ СКАЗАТЬ ПРИ ЖИЗНИ,
ТОЛЬКО СЛОВ МНЕ ЭТИХ НЕ НАЙТИ.
Я В МОСКВЕ, ОНА ЖИЛА В ПАРИЖЕ,
РАЗОШЛИСЯ С НЕЙ НАШИ ПУТИ...

— ЭЙ, ВЫ ТАМ! Я ВСЕ ЕЩЕ НА ПРОВОДЕ! —
РВУ Я ГОЛОС, ПРОПАДАЯ В ТИШИНЕ.

СМЫСЛА НЕТ ЗВОНИТЬ ТУДА БЕЗ ПОВОДА,
ВЕДЬ ОНА В ПАРИЖЕ, Я В МОСКВЕ!

Чете двух гениев

ДЛЯ МЕНЯ НАГРАДЫ БОЛЬШЕ НЕТ,
ЧЕМ ВЕЛИКИЙ ТВОРЧЕСКИЙ ДУЭТ.
ЕСЛИ ВМЕСТЕ ВСЕ ОНИ ПРОЙДУТ,
ЗНАЧИТ, ДАСТ ГОСПОДЬ, НЕ ПРОПАДУТ!

КТО-ТО ИМ ДАЕТ НА ЖИЗНЬ ЗАПРЕТ,
РВУТСЯ ОНИ МЕЖДУ «ДА» И «НЕТ»,
И ТОГДА ИХ СИЛА ВЕЛИКА,
ВЕДЬ ДУША ВЛЮБЛЕННЫХ НА ВЕКА!

ИХ СЕРДЦА СОЙДУТСЯ ИЛИ НЕТ?
ТОЛЬКО «ДА», ЗВУЧИТ С НЕБЕС ОТВЕТ.
ИХ ВРАГИ ПОКИНУЛИ ДАВНО,
КАК ОНИ, ЛЮБИТЬ ИМ НЕ ДАНО.

«Я дна не вижу в чертовой бутылке...»

Я ДНА НЕ ВИЖУ В ЧЕРТОВОЙ БУТЫЛКЕ.
Я СЧЕТ ВЕСТИ ИМ ТОЖЕ ПЕРЕСТАЛ.
ОПЯТЬ ТУПАЯ БОЛЬ В МОЕМ ЗАТЫЛКЕ
СБИВАЕТ МЕНЯ С НОГ И НАПОВАЛ.

НАЛЕЙТЕ МНЕ СТАКАН, И НЕ ЖАЛЕЙТЕ
О ТОМ, ЧТО Я СЕГОДНЯ НЕ ПИСАЛ.
Я ТАК УСТАЛ, ПОЖАЛУЙСТА, ПОВЕРЬТЕ,
Я ТАК ДАВНО НЕ СПАЛ И НЕ МЕЧТАЛ.

ПО МНЕ СВЕЧЕЙ ВЫ ПРОСТО ТАК НЕ ЖГИТЕ,
Я ЧЕРЕЗ ПЕСНИ ВСЕ ВАМ ПЕРЕДАЛ.

МЕНЯ ВЫ ОТПУСТИТЕ И ПОЙМИТЕ,
ЧТО ДУШУ Я СВОЮ ОСТАВИЛ ВАМ!

«Что, люди, вам для счастья надо?..»

ЧТО, ЛЮДИ, ВАМ ДЛЯ СЧАСТЬЯ НАДО?
БОГАТСТВО ИЛИ, МОЖЕТ БЫТЬ, ЛУНУ?
ИМЕЯ В ЖИЗНИ ВСЕ, КРИЧИТЕ «МАЛО»!
Я ЧТО-ТО ВАШИХ ОРОВ НЕ ПОЙМУ!

ПРОШУ Я ВАС, ВЫ НЕ ГНЕВИТЕ БОГА,
ОН ВАМ И ТАК СПОЛНА ВСЕГО ДАЕТ,
У КАЖДОГО ИЗ ВАС СВОЯ ДОРОГА,
НО ТОЛЬКО ОН ВАМ ПОМОГАЕТ И ВЕДЕТ.

ВЫ ПОМОЛЧИТЕ, СТОЯ У ПОРОГА,
ДЛЯ ВАС, СПУСКАЯСЬ, АНГЕЛЫ ПОЮТ.
ВЫ МЫСЛЕННО ПОГОВОРИТЕ С БОГОМ,
ПРОСЯ ЛИШЬ ДЛЯ ДУШИ СВОЕЙ ПРИЮТ.

«Я гитару возьму семиструнную...»

Я ГИТАРУ ВОЗЬМУ СЕМИСТРУННУЮ,
И АККОРД ЗА АККОРДОМ — НАВЗРЫВ!
СТИСНУВ ЗУБЫ, ТОСКУ Я БЕЗУМНУЮ
ВСКРОЮ ПЕСНЕЙ, КАК СТАРЫЙ НАРЫВ.

ВЕДЬ ДУША МОЯ ХОЧЕТ НАРУЖУ,
РВУТСЯ С БОЛЬЮ СТРУНА ЗА СТРУНОЙ.
ТАК ЗАЧЕМ ЖЕ В ХОЛОДНУЮ СТУЖУ
СТАВЯТ СВЕЧИ МНЕ ЗА УПОКОЙ?

И КРИЧУ Я ВАМ, ЛЮДИ, НЕ НАДО!
СТАВЬТЕ ВЫ ИХ ЗА ЗДРАВЬЕ СВОИХ.

ОБО МНЕ ВАША ПАМЯТЬ — НАГРАДА.
СРЕДИ ВАС Я! ЖИВЕЕ ЖИВЫХ!

В. ВЫСОЦКИЙ

«Часто был при жизни я в депрессиях...»

ЧАСТО БЫЛ ПРИ ЖИЗНИ Я В ДЕПРЕССИЯХ,
САМ ТУДА СЕБЯ Я ПОСЫЛАЛ...
И ПОВЕРЬТЕ, ТАМ БЫЛО НЕВЕСЕЛО,
ВСЕХ ЧЕРТЕЙ С СОБОЙ Я ЗАБИРАЛ...

И КОГДА, НЕ ПОМНЯ, ГДЕ Я? С КЕМ Я?
САМ С СОБОЮ ВЕЛ Я ДИАЛОГ...
НАХОДИЛСЯ В СТРАННОМ ПОМУТНЕНЬЕ,
ВИДЕЛ ТОЛЬКО БЕЛЫЙ ПОТОЛОК!

И СКАЗАЛ СЕБЕ Я, МОЖЕТ, ХВАТИТ!
БОЛЬШЕ ТЫ ТУДА НЕ УХОДИ.
И В ГРУДИ ДЫХАНЬЕ ПЕРЕХВАТИТ,
ТЫ ОТ БОЛИ БОЛЬШЕ НЕ ВОПИ!

ВЕДЬ ОТТУДА МАЛО КТО ВЕРНУЛСЯ,
ЗАЖИВО СЕБЯ ПОХОРОНИВ.
ТАМ ЛЮБОЙ ДАВНО Б УЖЕ СВИХНУЛСЯ,
СВОЕ ИМЯ ДАЖЕ ПОЗАБЫВ.

В ЭТОЙ ЯМЕ ГЕНИИ СГОРАЮТ,
НЕ УСПЕВ ДАРЫ СВОИ ОТДАТЬ.
ТАМ С ЧЕРТЯМИ В КАРТЫ НЕ ИГРАЮТ,
ЧТОБЫ СВОЮ ДУШУ НЕ ПРОДАТЬ!

ЕСЛИ ТЫ ОТТУДА ВСЕ ЖЕ ВЫШЕЛ,
ПОТИХОНЬКУ БОГУ ПОМОЛИСЬ...
ЕСЛИ ЧАСТО ДЫШИШЬ, ЗНАЧИТ, ВЫЖИЛ!

БОЛЬШЕ УМЕРЕТЬ НЕ ТОРОПИСЬ!

В. ВЫСОЦКИЙ

«Я при жизни спорил очень часто...»

Я ПРИ ЖИЗНИ СПОРИЛ ОЧЕНЬ ЧАСТО
И ПРО БОГА, И ПРО САТАНУ.
ТОЛЬКО ЭТО БЫЛО ВСЕ НАПРАСНО,
ДЛЯ ЧЕГО, ЕЙ-БОГУ, НЕ ПОЙМУ.

ВЕДЬ Я ВИДЕЛ АНГЕЛОВ И БЕСОВ,
ПРИГЛАШАЛ Я ИХ НА ДИАЛОГ!
ЛЕШИЙ ПРИХОДИЛ КО МНЕ ИЗ ЛЕСА
И, ЗАРАЗА, ЧУТЬ НЕ УВОЛОК!

И ПРО КОСМОС ТОЖЕ МНЕ ИЗВЕСТНО,
ВЕДЬ НА ИХ ПЛАНЕТЕ Я БЫВАЛ.
НО СКРЫВАЛ ВСЕ ЭТО Я ОТ ПРЕССЫ,
СУМАСШЕДШИМ ТОЧНО БЫ Я СТАЛ!

ПОНЯЛ Я, ЧТО ШУТКИ С НИМИ ПЛОХИ,
И ПРО ЭТО СПОРИТЬ ПЕРЕСТАЛ.
А КОГДА ЯВИЛИСЬ ЛЮДИ-ВОЛХИ,
ТОЧНО С ЭТИМ ДЕЛОМ ЗАВЯЗАЛ!

В. ВЫСОЦКИЙ

«Тихо скрипнула дверь в тишине...»

ТИХО СКРИПНУЛА ДВЕРЬ В ТИШИНЕ,
ЧЕЙ-ТО ГОЛОС Я СЛЫШУ ВО СНЕ.
— Я ВСЕ ПОНЯЛ! — ПОЧТИ НЕ ДЫШУ,
В СЕРДЦЕ БОЛЬ, ВОТ И ВСЕ — УХОЖУ!

НЕУЖЕЛИ ВОТ ТАК, ЗАКРЫВ ДВЕРЬ,
СМЕРТЬ УХОДИТ БЕЗ ЛИШНИХ ПОТЕРЬ?
ЗАХВАТИВ МОЮ ДУШУ С СОБОЙ...
ОСТАВЛЯЕТ МНЕ ВЕЧНЫЙ ПОКОЙ.

Я КРИЧУ ЕЙ: — ПОСТОЙ! ПОДОЖДИ!
КАК ЖЕ ПЕСНИ МОИ И СТИХИ?
Я ВЕДЬ СТОЛЬКО ЕЩЕ НЕ УСПЕЛ,
А МЕНЯ ВЫ УЖЕ ПОД РАССТРЕЛ!

А В ОТВЕТ ЧЕЙ-ТО ГОЛОС СКАЗАЛ:
— НЕУГОДЕН КОМУ-ТО ТЫ СТАЛ.
ЗА ТЕБЯ ВСЕ РЕШИЛИ ДАВНО,
КАК В ПЛОХОМ ЧЕРНО-БЕЛОМ КИНО.

ЛЮДЯМ БЫЛ ПЕРЕКРЫТ КИСЛОРОД,
ТЫ ДЛЯ НИХ СТАЛ СПАСАТЕЛЬНЫЙ ПЛОТ.
И ОТ ПЕСЕН ПРОЗРЕЛИ СЕРДЦА,
И ОТКРЫЛИСЬ НА ПРАВДУ ГЛАЗА.

В. ВЫСОЦКИЙ

«Я ненавидел сплетни в виде версий...»

Я НЕНАВИДЕЛ СПЛЕТНИ В ВИДЕ ВЕРСИЙ,
ИЛИ КОГДА ЖЕЛЕЗОМ ПО СТЕКЛУ.
СО МНОЮ РЯДОМ, ЗНАЮ, БЫЛИ ЧЕРТИ
ИЗ НАШЕГО РОДНОГО ПГУ.

Я НЕС БЕДУ СВОЮ НА КОРОМЫСЛЕ,
ЛИЛ ПОТ С МЕНЯ, ГЛАЗА МОИ СЛЕПЯ.
Я НЕ ЛЮБИЛ, КОГДА ЧИТАЛИ МОИ ПИСЬМА,
Я ВЫНУЖДЕН ЛЮБИТЬ БЫЛ, НЕ ЛЮБЯ.

Я, БУДУЧИ НА ПЕРЕПУТЬЕ В ЖИЗНИ,
ЗАПУТАЛСЯ И ОКАЗАЛСЯ В ТЕМНОТЕ.
ПРОСТИТЕ МНЕ МОИ ДУРНЫЕ МЫСЛИ,
СЕБЯ ИСКАЛ, НЕ В ГАМЛЕТЕ, В СЕБЕ.

ТАК ТЯЖКО БЫЛО БЫТЬ САМИМ СОБОЮ,
И ПРАВДУ О СЕБЕ САМОМ ПРОПЕТЬ.
Я УХОДИЛ В ГЛОБАЛЬНЫЕ ЗАПОИ,
КОГДА НЕ МОГ Я СТРАХ ПРЕОДОЛЕТЬ.

СОГРАЖДАНЕ, МНЕ ВЕРЬТЕ ИЛЬ НЕ ВЕРЬТЕ,
Я НЕ ХОТЕЛ ТАК РАНО УМИРАТЬ.
НЕСЛИ МЕНЯ К ОБРЫВУ КОНИ-ЧЕРТИ,
ВРАГОВ НА ГРУДЬ НАВАЛИВАЛАСЬ РАТЬ...

НЕ ЖДИ МЕНЯ, ПРОСТИ МЕНЯ ЗА ВСЕ,
ЧТО НЕ УСПЕЛ, НЕ ДАЛ И НЕ ЗАБРАЛ.
МОЕЙ СУДЬБЫ ВЕРТЕЛОСЬ КОЛЕСО:
Я ЖИЛ НА ВСЮ КАТУШКУ, НО СТРАДАЛ!

Я НЕ НАШЕЛ СМирЕНИЯ У БОГА,
И У ЧЕРТЕЙ ПОКОЯ НЕ НАЙДУ.
ПРИ ЖИЗНИ СНИЛАСЬ ЧЕРТОВА ДОРОГА,
ТЕПЕРЬ ОНИ ПО НЕЙ МЕНЯ ВЕДУТ.

Я НЕ ГЕРОЙ, С ПУТИ СБИВАЛИ КОЗНИ,
НЕ ВЫБРАТЬСЯ ПОРОЙ, БЫВАЛО, С ПУТ.
НЕ ПОТОМУ ЛИ ЧЕРТИ ТАК ТВЕРЕЗО
ГЛЯДЯ В ГЛАЗА, НАКЛАДЫВАЮТ ЖГУТ?

НЕ ЗАСЛУЖИЛ ПОКОЯ ПОСЛЕ СМЕРТИ,
ХОТЯ ПРИ ЖИЗНИ ДЕЛАЛ Я ДОБРО!
ВЫ ПО РУКАМ СВЯЗАЛИ МЕНЯ, ЧЕРТИ!
ВЕРНИТЕ МНЕ ГИТАРУ И ПЕРО.

В. ВЫСОЦКИЙ

**Мои стихотворения от имени
Высоцкого
Написаны с 20 на 21 декабря 2013
года, 5 утра**

Обращение к духу Высоцкого

1

ЗАЧЕМ, ВОЛОДЯ, ТЫ ЯВИЛСЯ К МОЕЙ ДОЧКЕ?
ЗАЧЕМ ДУШЕВНЫЙ РУШИШЬ ЕЙ ПОКОЙ?
ДИКТУЕШЬ ЕЙ ПОД УТРО СВОИ СТРОЧКИ,
КИПЯТ, КАК ЛАВА, ПОД ЕЕ РУКОЙ.

ЧТО ХОЧЕШЬ ДОПИСАТЬ ЧЕРЕЗ НЕЕ?
НЕ ТО ЛИ, ЧТО ПРИ ЖИЗНИ НЕ ДОПЕЛ?
НЕ УКРОТИЛО ДУХ ТЕБЕ НЕБЫТИЁ,
И РВЕТСЯ ОН НА ЗЕМЛЮ С ВЫСШИХ СФЕР.

ОН СНОВА БУДОРАЖИТ НАС, ЛЮДЕЙ,
ПРОВОЗГЛАШАЯ ЦЕННОСТЬ ИДЕАЛОВ.
ОН ВЫРВЕТ НАС ИЗ КАВЕРЗНЫХ СЕТЕЙ,
КОТОРЫЕ НА НАС РАССТАВИЛ ДЬЯВОЛ.

ГЛАЗА ОСЛЕПЛИ ОТ ЦВЕТОВ БАНКНОТ,
В ОСОБЕННОСТИ С ЗЕЛЕНЬЮ, КАК ПЛЕСЕНЬ.
ПОХОЖЕ, В МИРЕ НАСТУПИЛ ЦЕЙТНОТ,
ИСЧЕЗЛО ВРЕМЯ ДЛЯ СТИХОВ И ПЕСЕН.

ТЕЧЕТ СКВОЗЬ ПАЛЬЦЫ В БИТВЕ ЗА БОГАТСТВО,
ВСЕ ЧУВСТВА ЗАМЕНИЛА НАМ КОРЫСТЬ.
А КАК ЖЕ ЛЮДИ, РАВЕНСТВО И БРАТСТВО?
ВЕДЬ ПСУ ПОД ХВОСТ ЕДИНСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ!

ТВОИ СТИХИ ЗАСТАВЯТ НАС СТРАДАТЬ
И МЫСЛИТЬ СОВЕСТЬЮ, А НЕ ДЕНЬГАМИ.
И ВОЗРОЖДАТЬСЯ, А НЕ ПРОПАДАТЬ
В ЗАБИТОЙ ПЛЕСЕНЬЮ ЗЛОВОННОЙ ЯМЕ.

ПУСТЬ МОЯ ДОЧЬ* В ТРУДЕ СВОЕМ НЕ СПИТ,
Я ЗА НЕЕ ТИХОНЬКО ПОМОЛЮСЬ.
ВЕДЬ ТЫ СГОРЕЛ, ОНА ПУСТЬ НЕ СГОРИТ.
Я ТАК, ВОЛОДЯ, ЗА НЕЕ БОЮСЬ!

ЯВИСЬ КО МНЕ, СОГЛАСНА Я НЕ СПАТЬ,
И ЗА ТЕБЯ ДОПИСЫВАТЬ СТИХИ.
КАК ТЫ, СТРАДАЯ, ДУШУ ОТДАВАТЬ,
ЛЮДСКИЕ НА СЕБЯ ВЗВАЛИВ ГРЕХИ.

2

После прочтения книги «Высоцкий — суперагент КГБ»

Володя, приснись во сне,
Ответь, мой любимый, мне!
В какой ты теперь стороне,
И есть ли там место мне?

Не верю твоим врагам.
Дала бы им по рогам!
Но разве достанешь их,
Продажных врагов твоих?

Прости, что поверила им,
Извечным врагам твоим.
Ты — ГАМЛЕТ, их рать вокруг.
Кто враг, кто смертельный друг?

Считал ты друзьями всех,
Не брал ты на душу грех:
В предательстве их обвинять
И по именам называть.

Померкла ТВОЯ ЗВЕЗДА.
Я знаю, не навсегда.
Герой оказался не тот,
Скорее наоборот.

А может, то происк опять —
Всячески очернять.
Ну, неугоден герой,
Стерильный, как вечный покой.

Героев должны назначать,
И гербовая печать
У них фиолетом на лбу.
А лучше герой в гробу.

НЕ ЖАЛКО ДУБОВЫЙ ГРОБ.
Ведь КЛАССИК В НЕГО ВОЙДЕТ,
ВОЛЬГОТНО РАЗЛЯЖЕТСЯ ТАМ.
...А крысы шуршат по углам.

З

Это мое, но от имени ВВ

ВАША СОВЕСТЬ БОЛЬНА, МУЖИКИ!
РОССИЯНЕ, БЛИН, МУДАКИ...
Я-ТО, ЛАДНО, УШЕЛ,
НУ, КАКОЙ С МЕНЯ СПРОС?

Я И ТАК И РАБОТАЛ, И ЖИЛ НА ИЗНОС.
Я ОДНАЖДЫ ТАК ПЕЛ —

ГОРЛОМ ХЛЫНУЛА КРОВЬ!
О СЕБЕ НЕ СКОРБЕЛ,
К СМЕРТИ НЕ БЫЛ ГОТОВ.

У ВАС ДАВНО НЕТ ЧЕСТИ, МУЖИКИ!
И США УКРАЛО ВАШИ ДУШИ.
ИЗ ТУХЛОЙ ВАМ НЕ ВЫБРАТЬСЯ РЕКИ,
ВАШ КРИК О ПОМОЩИ ВСЕ ГЛУШЕ, ГЛУШЕ...

А ЖЕЛТЫЙ ДЬЯВОЛ ТЯНЕТ ВАС НА ДНО,
ДАВНО НЕТ С ВАМИ РЯДОМ БОГА,
ВЕДЬ ВЕРУ ВЫ УТРАТИЛИ ДАВНО,
И ТОЛЬКО В АД ЛЕЖИТ У ВАС ДОРОГА.

ВЫ ПРОПИЛИ РОССИЮ, МУЖИКИ!
ОГРАБИЛИ ЕЕ ДО НИТКИ ВОРЫ.
ДЕРЖАВУ РАЗОДРАЛИ НА КУСКИ
И ВЫБИЛИ ИЗ-ПОД НЕЕ ОПОРУ.

КАЧАЮТ НЕФТЬ ИЗ НЕДР ЗАРУБЕЖ,
ЗАЛИЛИ ЕЮ В ГЛОТКУ ВСЮ ЕВРОПУ.
В НАВАРЕ ВСЕ! И НЕГРЫ ЦВЕТА БЕЖ.
ЛИШЬ САМИ ОСТАЕМСЯ С ГОЛОЙ Ж...

«Жвачные коровы, а не русский люд...»

ЖВАЧНЫЕ КОРОВЫ, А НЕ РУССКИЙ ЛЮД,
К США В ОКОВЫ ИЗ СОВЕТСКИХ ПУТ.

Прощание
Конец XX века, начало XXI
века

«Двадцатый век прошел...»

Двадцатый век прошел.
Тебя распяли в 33 несильно,
А в 42 распятие завершили.
Что ж в нынешнем вершится веке?

Как Римская когда-то, пала
Российская империя,
И превратилась из великой
В жалкую подстилку

Для иностранных инвестиций,
Для поп-бессмыслицы,
Для масс-культуры,
Сексуальных вариаций...

И в этом веке тупости, порока
Искусство лживо, недееспособно,
Копейки стоит честь,
А совесть — в дефиците.

Прости, Володя!
Тебе нет места здесь:
Средь зомби пустоглазых,
Среди богатых, нищих духом,
Но с толстым кошельком и брюхом...

Средь сырых, кланчащих подачку
У сытых немцев,
Что войну когда-то проиграли.
Глаза сухи, и больше я не плачу.

«Володя! Ты был вихрем...»

Володя! Ты был вихрем,
Что врывался в души,
Их очищал от скверны, приобщал
К тем мыслям,
Что тебя терзали, лишая сна,
И призывал умы
Обитель сна и зла разрушить.
Сыграл ты роль не Гамлета, о, нет!
Ты роль рапиры вдруг сыграл:
Убил свой век.

Юбилейное, 70 лет, от имени ВВ

Штабеля моих книг, штабеля!
Не сожрет их ни ржа, ни всеядная тля!
Удосужился даже попасть в жэзээл,
Хотя не привлекался и не диссидел.
На поминках моих колготится Андрей,
Вроде, он из моих закадычных друзей.
Он за пазуху часто стихи мои клал,
И пристроить в журнальчик, ей-ей, обещал.
И по-дружески хлопал меня по плечу,
Что не то я кричу, не туда руль кручу.
«И зачем тебе этот говенный Союз
(Союз писателей),
Ты на сцене козырный (ухмылочка!) туз!»
Штабеля моих книг, штабеля!
Я почти что Толстой, я почти что Золя!
Снисходил до меня даже мэтр Евтух:
«Твоя рифма хромает и так режет слух!»
Я-то знаю, он фигу в кармане держал,
Я его бы послал, если был бы нахал.
Заграницу свалил от завидок Евтух,
Там, ох, светоч ты наш, он потух и протух.
И глаза их мертвы, безобразен оскал...
Может, Боженька их за меня наказал?
Им никчемность влачить до скончания дней.
Я ж прощаю, Евтух!
Я ж прощаю, Андрей!
Штабеля моих книг, штабеля!
Где ж вы раньше-то были, ценители, бля?
Когда я рядом с вами изгоем страдал,
Почему мне при жизни никто не воздал?
За тот голый мой нерв, на котором кричал?
Видно, черти вокруг меня правили бал...

На том свете не свет, холодина и тьма.
На растопку сгодятся мне ваши тома.
У живого, меня, ни строки и ни строф
Не издал тов. Петров,
Также Сидоров тов.
Жаль, при жизни я вас по-мужски не послал!
После смерти ни строчки ведь я не писал.

—

Чтил я Фауста и Дориана Грея заодно,
Но! Душа при мне, я пью бессмертия вино!
Ну, а «друзья», как видно, расстарались
И с потрохами дьяволу продались.

Жив твой дух, Володя!

Ваганьково. 25 января 2010 года

СЕМЬ ДЕСЯТКОВ И ДВА ГОДА —
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ТВОЕ.
РАССВИРЕПИЛАСЬ ПОГОДА,
РВЕТ НА КЛОЧЬЯ БЫТИЕ.

ПРАХ ТВОЙ ЛЕГ В ЗЕМЛЕ РОДИМОЙ,
ДУХ ВИТАЕТ СРЕДИ НАС.
И НЕСЛЫШИМО, НЕЗРИМО
В НЕБЕ СКАЧЕТ ТВОЙ ПЕГАС.

ПУСТЬ НИ ЗГИ В СТРАНЕ НЕ ВИДНО,
НА ВАГАНЬКОВО — ЦВЕТЫ.
Э-Э-ЭХ, ВОЛОДЯ, КАК ОБИДНО,
ЧТО НЕ С НАМИ РЯДОМ ТЫ.

ПОЧИТАТЕЛИ СОБРАЛИСЬ,
СНЕГ ЛОЖИТСЯ НА ЦВЕТЫ...
ВСЕМ ПОКОЙНИКАМ НА ЗАВИСТЬ
И СЕГОДНЯ ПЕРВЫЙ — ТЫ!

НЕТ ТАКИХ, НЕ БУДЕТ, ВИДНО,
ВЕДЬ КРУГОМ ОДНО ВРАНЬЕ!
ВЫЖИВАЕМ — ВОТ ЧТО СТЫДНО,
А ЖИРЕЕТ ВОРОНЬЕ.

КТО К ВЫСОЦКОМУ ИДЕТ?
ТЕ, КОМУ В РЕАЛЬНОСТЬ ЖУТКО.
ПАРУС ПОРВАН. МИР ПЛЫВЕТ
В БОНУС, В АНУС... ЗЛАЯ ШУТКА.

ВЫ — ТОВАРИЩИ МОИ,

Я ПИШУ, ЗА ВСЕХ СТАРАЮСЬ.
ПУСТЬ ПРОДЛЯТСЯ НАШИ ДНИ!
ЗАЛАТАЕМ, ДРУГИ, ПАРУС!

НА 30-УЮ ГОДОВЩИНУ 25 ИЮЛЯ 2010 ГОДА СО ДНЯ
КОНЧИНЫ ВЛАДИМИРА СЕМЕНОВИЧА ВЫСОЦКОГО Я
БЫЛА В МОСКВЕ. В НОЧЬ НА ЭТУ ДАТУ МНЕ ПРИСНИЛСЯ
СОН: ВЫСОЦКИЙ ВЫСТУПАЕТ НА СЦЕНЕ ТАГАНКИ, БЕЗ
ГИТАРЫ. Я СИЖУ В ПОЛНОМ ЗРИТЕЛЬНОМ ЗАЛЕ. ОН
СПУСКАЕТСЯ СО СЦЕНЫ, КАК ОБЫЧНО, ИДЕТ ПО РЯДУ В
МОЮ СТОРОНУ. Я СМОТРЮ ПРИСТАЛЬНО ЕМУ ПРЯМО В
ГЛАЗА. В ЭТОТ МИГ ЧТО-ТО ВСПЫХИВАЕТ В ЕГО ВЗГЛЯДЕ,
КАК ОТБЛЕСК ЗЕРКАЛА. Я ХВАТАЮ ЕГО ЗА РУКУ И ПОЧТИ
КРИЧУ:

— Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ УЖЕ 30 ЛЕТ!

ОН ПЕРЕХВАТЫВАЕТ МОЮ РУКУ И ГОВОРИТ:

— СВЕТА!

МЫ СТРАСТНО ЦЕЛУЕМСЯ. ПОТОМ ОН УХОДИТ, И С
УКОРОМ:

— А Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ ВСЮ ЖИЗНЬ! Я ПРОСЫПАЮСЬ,
ЗАПИСЫВАЮ СОН И ПИШУ СТИХОТВОРЕНИЕ.

«Как по мне мятежный дух...»

КАК ПО МНЕ МЯТЕЖНЫЙ ДУХ
И ДУШИ БРОНЯ.
ПО РУСИ ПРОНЕССЯ СЛУХ:
ЛЮБИШЬ ТЫ МЕНЯ.

НУ И ЧТО, МЫ НЕЗНАКОМЫ,
ЧЕРЕЗ КОСМОС СВЯЗЬ.
У МЕНЯ БЫВАЛИ ДОМА
МНОГО-МНОГО РАЗ.

ТЫ ЖИВОЙ, ЖИВЕЕ МНОГИХ,
В ЧЕРНОЙ ВОДОЛАЗКЕ.
НА МЕНЯ ГЛЯДИШЬ НЕ СТРОГО,
С НЕЖНОСТЬЮ И ЛАСКОЙ.

Я ОТ ВЗГЛЯДА ТАК И МЛЕЮ,
— МИЛЫЙ, ПОДОЙДИ!
ОБНИМУ ТЕБЯ ЗА ШЕЮ
И ПРИЖМУСЬ К ГРУДИ.

УТРОМ, КАК ОБЫЧНО, ЕДУ НА ВАГАНЬКОВСКОЕ, ГДЕ
ИЗ ГОДА В ГОД ПО ДВУМ ДАТАМ СО ВСЕХ ГОРОДОВ И
ВЕСЕЙ БЫВШЕГО СССР СОБИРАЮТСЯ ПОЧИТАТЕЛИ
ВЫСОЦКОГО, ЧТОБЫ ПОЧТИТЬ ПАМЯТЬ СВОЕГО
ВЕЛИКОГО СОВРЕМЕННОКА, ГЛАШАТАЯ ВСЕЯ РУСИ,
ПОМЯНУТЬ ЕГО ПО РУССКОМУ ОБЫЧАЮ РУССКОЙ
ГОРЬКОЙ. ИХ, К СОЖАЛЕНИЮ, СТАНОВИТСЯ ВСЕ
МЕНЬШЕ, ДУМАЮ, ПО ПРИЧИНЕ РАЗВАЛА СССР И
ОБНИЩАНИЯ ПРОСТОГО ЧЕЛОВЕКА. ВОЛОДЯ БЫЛ
ВСЕНАРОДНО ЛЮБИМ И ПОЧИТАЕМ, МОЖЕТ, КАК

ПУШКИН РАНЕЕ. СТИХИ-ПЕСНИ ВЫСОЦКОГО ПРИНАДЛЕЖАТ НАМ, XX ВЕКУ, А ТЕПЕРЬ И XXI-му.

ПАМЯТНИК И МОГИЛА ЗАВАЛЕНЫ ЦВЕТАМИ. ЛЮДМИЛА АБРАМОВА ВНУТРИ ОГРАДЫ РАССТАВЛЯЕТ ИХ ПО ВАЗАМ, ГОРЯТ СВЕЧИ, ПАХНЕТ ЛАДАНОМ... КТО-ТО ЧИТАЕТ СТИХИ, КТО-ТО ИСПОЛНЯЕТ ВОЛОДИНЫ ПЕСНИ ИЛИ СВОИ ПОСВЯЩЕНИЯ. ЧЕРЕЗ ДОРОГУ РАБОТАЕТ КИОСК, ПОЯВЛЯЮТСЯ ВСЕ НОВЫЕ КНИГИ О ВЫСОЦКОМ. И ОТКУДА ТОЛЬКО БЕРУТСЯ? СТОИТ В ВИТРИНЕ И МОЯ СКРОМНАЯ КНИЖЕЧКА «МОЙ ВЫСОЦКИЙ».

ПОТОМ ПО МАРШРУТУ: «ДОМ-МУЗЕЙ В. С. ВЫСОЦКОГО». К СОЖАЛЕНИЮ, ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ С НИКИТОЙ ВЫСОЦКИМ УЖЕ ЗАКОНЧИЛАСЬ, ВЫХОДИЛИ ДРУЗЬЯ ВВ, КТО ЕЩЕ ЖИВ И СУМЕЛ ПРИЕХАТЬ. Я ДАЮ НИКИТЕ ПАЧКУ СВОИХ КНИГ СО СЛОВАМИ: ХОТИТЕ, ПРОДАЙТЕ, ХОТИТЕ – РАЗДАЙТЕ! ОН БЛАГОДАРИТ, ПОТОМ Я ЕГО ФОТОГРАФИРУЮ.

ДАЛЬШЕ — ТАГАНКА, ВЕЧЕР, КОНЦЕРТ ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО ВЕДЕТ ВАЛЕРИЙ ЗОЛОТУХИН, ЕДИНСТВЕННЫЙ ИЗ ОСТАВШИХСЯ ОТ СТАРОГО СОСТАВА (ПРИ ВЫСОЦКОМ). ЛЮБИМОГО НЕ БЫЛО, ЕГО ДОБРЫЕ ТЕПЛЫЕ СЛОВА ПРОЗВУЧАЛИ ИЗ ДИНАМИКОВ. ТАКЖЕ, КАК И ПЕСНИ ВЛАДИМИРА СЕМЕНОВИЧА. ДЕНЬ ПАМЯТИ ЗАКОНЧИЛСЯ, ЛЮДИ ПОНЕСЛИ ЦВЕТЫ. ЗОЛОТУХИН СКЛАДЫВАЕТ ИХ ВОЗЛЕ СТЕНЫ, ГДЕ ОДИНОКО СТОИТ ГИТАРА БЕЗ ХОЗЯИНА — ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО. ПОЧЕМУ НЕ ПОВЕСИЛИ ПОРТРЕТ? ПОЛУЧИЛОСЬ КАК-ТО НЕСОЛИДНО И ОБИДНО ДЛЯ МЕНЯ ЛИЧНО.

ВЕЧЕРОМ ПО ВСЕМ РОССИЙСКИМ КАНАЛАМ ТЕЛЕВИДЕНИЯ ПРОШЛИ ПЕРЕДАЧИ О ВЫСОЦКОМ, В ОСНОВНОМ, ПОВТОР ДРУГИХ ЛЕТ, НО БЫЛО И ЧТО-ТО НОВОЕ.

30 ЛЕТ ЖИВОГО НЕТ.
НУ, А ДУХ ТВОЙ БРОДИТ
ПОЧЕМУ-ТО МНЕ ВОСЛЕД,

ВЕЧНЫЙ ДРУГ ВОЛОДЯ!

«Никому не нужна, так какого рожна...»

Никому не нужна, так какого рожна
Не живу, а лампадою тлею?
И моя ль в том вина, что я чья-то жена...
И зачем мне костер Галилея?

И зачем мне француженки Жанны костер,
И зачем мне Сократова чаша?
И зачем мою душу, Володя, ты спер
И унес ее в райские чащи?

Ну, а может быть, мы пребываем в аду,
Там таким, как с тобою мы, место.
Я иду... пропаду? Пропаду!!!
Там не будет с тобою нам тесно...

28.02.11 г.

«Ты и мертвый не даешь покоя...»

Ты и мертвый не даешь покоя,
Опорочить лезут образ твой.
А народ все любит своего героя,
Даже верит в то, что ты живой.

Слишком уж на землю дух стремится,
Воплощаясь в новые стихи.
Вылетают строки, будто птицы...
Сразу вспоминаются волхи.

Если ты был волх, тогда понятно,
Почему твой дух такой живой!
Не ушел в мир мертвых безвозвратно,
Ты не завершил свой путь земной.

22.12.2012 г.

Три стихотворения ***25 января 2006 г.***

Не снись, Володя

Два мужа было, тебя любила,
Жила над бездной.
Явился третий, он всех на свете
Душе любезней.

Прощай, Володя, мы все уходим,
Уйду я с ним.
Не снись, Володя, твои угоды
Отдай другим.

Привет от зечки Люськи

Я Высоцкого хочу,
Мне его подайте!
Я на кладбище торчу
В январе в фуфайке.

Просидела десять лет
За убийство Лешки.
А Высоцкого уж нет...
Вот же бляшки-вошки!

«Все не так», а так-растак
В этом гнусном мире!
Головой бы об косяк,
Коль была б в квартире.

Вова, Вовочка, Вован!..

Как же так, Исусе?
В зоне я давала план
В честь святой Маруси.

Эх, Володя, пью стопарь,
Пусть земляца пухом!
А теперь мне песню вжарь
С русским своим духом!

23.12.2013 г.

Попытка ревности

Мало тебе каменной десницы,
Ты и там, похоже, женолюб.
Перестань, пожалуйста,
мне сниться!
Я не помню горечь твоих губ.

Страсть твоих объятий позабыла.
Все, Володь, измены не стерплю.
Я остыла, слышишь ты? Остыла.
Разлюбить тебя душе велю...

О фильме «Спасибо, что живой»

Не могу обойти молчанием фильм «Спасибо, что живой». После просмотра у меня лично создалось впечатление, что увидев себя в образе безвольного наркомана, Владимир умер бы второй раз — от позора. Какое количество талантливых творцов погубила зависть ничтожества к гению. «Ради красного словца не пожалеет и отца» — это о Никите В. Даже не хочется называть его по фамилии, которой он не достоин. Ну, не дает покоя сыну лавровый венок великого отца! Пошел на такую низость, как этот совершенно гнусный фильм, лишь бы опорочить ВВ в глазах его почитателей со всего мира. Ну, и чего он добился? Наш любимый Володя остался с нами, с нашей любовью и пониманием. А Никита как был для меня лично одиозной фигурой, использующей имя отца для личной наживы, так и остался, правда, стал еще более низким и отвратительным.

Неприятно было за многогранно талантливого артиста Сергея Безрукова, сыгравшего роль ВВ. Героизм его игры с невероятно мучительным гримом не стоил таких душевных и физических затрат. Неужели он не понял, в какое дерьмо вляпался?

Понимаю, очень хотелось сыграть ВЕЛИКОГО ВЛАДИМИРА, но есть ведь у артиста глаза и уши. Неужели не видел и не слышал, что делают враги Высоцкого, выставляя его в издевательски-недостойном виде? В данном случае Безруков послужил орудием мести бессовестного сына. Кстати, телефильм Есенин тоже не делает чести незаурядному (всеядному) артисту. В фильме сценарий таков, что великий русский поэт, в основном, пьет, скандалит и валандается с женщинами. Когда же он написал несколько томов

своих потрясающих стихов? Уже XXI век, а такого поэта, как Сергей Есенин, нет. Немного был похож Николай Рубцов со своей книгой «Звезда полей», но и его убили. Жалкая смерть от руки женщины. Написанное мной стихотворение относится не только к Есенину, но и к Высоцкому, и ко мне как к поэту тоже.

Вместо рецензии на телефильм «Есенин» от имени и по поручению из бессмертия — Сергей Есенин

Я РОССИЮ ВОСПЕВАЛ,
А ОНА МЕНЯ ПОЗОРИТ.
Я НЕ ТОЛЬКО ВОДКУ ЖРАЛ,
Я ЛЮБИЛ ДУШОЮ ЗОРИ.

Я ЛЮБИЛ ЕЕ РАССВЕТЫ
И РОМАШКОВОЕ ПОЛЕ...
НО ВСЕГО БОЛЬНЕЙ НА СВЕТЕ
Я ЛЮБИЛ КАК РУССКИЙ ВОЛЮ!

Я ХОТЕЛ ЖИТЬ ВНЕ ЗАКОНА,
ВНЕ КАКИХ-ТО СЕКТ И ПАРТИЙ.
НО ПОЭТ — В ТО ВРЕМЯ ОНО —
БЫЛ ЮРОДИВЫЙ ИЛЬ ПАРИЙ.

ЗАХЛЕСТНУЛИ РАКА КЛЕШНИ
МНЕ ПЕТЛЮ НА ТОНКОЙ ШЕЕ,
БУДТО Я ИЗ ГРЕШНЫХ ГРЕШНЫЙ,
И ПОДВЕСИЛИ НА РЕЕ.

НУ И ЧТО, УТРОБА ВЛАСТИ,
НЕ НАСЫТИЛАСЬ ТЫ МНОЮ?
...МАЯКОВСКИЙ СТАЛ ОТЧАСТИ
И МОЕЙ БОЛЬШОЙ ВИНЮ.

МЫ ПОЭТЫ — ВЫШЕ ВЛАСТИ,
МЫ СЛОВА СЛАГАЕМ В ЗВУКИ.
СТРАСТИ НАМ — ХРИСТОВЫ СТРАСТИ,
МУКИ НАМ — ХРИСТОВЫ МУКИ.

МЫ — ПОЭТЫ, ВЫШЕ ВЛАСТИ,
ВСЕХ ТИРАНОВ И РЕПТИЛИЙ.
МЫ — НАДМИРНЫ, МЫ ПРЕКРАСНЫ,
ДАЖЕ ЕСЛИ БЕЗ «ИЗВИЛИН».

НЕ ОДИН ХРИСТОС В СТРАДАЛЬЦАХ.
ВСЯ ДОРОГА НА ГОЛГОФУ —
БУДТО ВЫШИТА НА ПЯЛЬЦАХ:
МЫ — ПИИТЫ, РЯДОМ С БОГОМ!

МЫСЛИ СКОРБНЫЕ ИССЯКЛИ,
Я — ПОЭТ СЕРГЕЙ ЕСЕНИН.
СКАНДАЛИСТ Я, ТАК ЛИ, СЯК ЛИ,
НО В СТИХАХ Я — РУССКИЙ ГЕНИЙ.

ИЗ ПЕТЛИ ВАМ ЗАВЕЩАЮ,
ЧТО ПОЭТЫ — ВНЕ ЗАКОНА.
Я **РОССИИ** ПОСВЯЩАЮ
ВСЕ СТИХИ... С ПОСЛЕДНИМ СТОНОМ...

Поэт Светлана Ермолаева

Резюме: То же произошло и с Владимиром в фильме «Спасибо, что живой».

Безвольная зависимость от наркотиков есть, а творчества многогранного нет. 37 лет прошло со дня преждевременной кончины, а где второй? «Прости ему, он до гроба одиночеством окружен. Пошли ему, Бог, второго — такого, как я и как он.

Стих написан Вознесенским, но совершенно не в его стиле. Ощущение такое, что написал текст сам Высоцкий. Я сначала так и думала. Ужасно жаль. Не послал ему Бог второго. Нет такого. Не было при жизни и не появилось после кончины.

Обида

*«Чту Фауста ли, Дориана Грея ли,
Но чтобы душу Дьяволу — ни-ни!»*

Никита, меркантильный мой сынок,
Боюсь, что дьявол твою душу уволок.
Представил ты меня в кино с таким лицом,
Как будто был я распоследним подлецом.

Представил перед всем честным народом
Моим врагам, я думаю, в угоду:
Я — жалкий наркоман, слабак, а не борец,
Стащил с меня терновый ты венец.

Разоблачил, любуйтесь на героя!
Я жалкой участи от сына удостоен.
Я был никем, за дозу пресмыкаясь...
Как безнадежно ты порвал мой парус!

Мой дух живой, он не приемлет лжи,
Как будто я стою над пропастью во ржи.
Никита, меркантильный мой сынок,
Твое деянье в души тысячам плевков.

Предстал с твоей подачи я дерьмом —
Не мощным духом в небе голубом.
И не поэтом, даже не певцом,
А жалким трусом с сорванным венцом.

И некому вступить за меня,
Друзей уж нет, нет верного коня!
Лишь дух мой неприкаянно парит,
А я в бессмертье признанный пиит.

Судьба твоя в тени ушедшего отца,
Не я, а ты отныне в роли подлеца.

17.06.2016 г.

Зарождение любви

Книга первая. Райская жизнь

Стр. 248

Шел семьдесят пятый год. Она купила две первые попавшиеся пластинки для проигрывателя. На первой пластинке-мини оказались песни Владимира Высоцкого. В тот день Ксения была дома одна, на улице шел дождь, она стояла возле окна с текущими по нему струйками, слушала «Чуть помедленнее, кони!..» и почему-то плакала. Как будто слова незнакомого ей певца проникали в самую душу, трогали ее неистовством исполнителя, а еще будто угроза какая-то или предостережение слышались ей в хриплом голосе. С ней что-то произошло, ей овладело странное смятение. «Что-то воздуху мне мало, ветер пью, огонь глотаю, чую с гибельным восторгом, пропадаю, пропадаю...» Она ощущала то же самое не только в ДТ (дом терпимости), но и дома. Жила, скрывая мысли и чувства. Может, Высоцкий в своей песне закодировал полную несвободу, зависимость от ничтожеств, что происходило и с ней. С этого момента он поселился в ее душе, вытеснив выдуманную любовь к В. Н.

Стр. 366

Почему-то в голове часто звучал голос Высоцкого. Зачем, на свою беду, она стала думать о нем, даже мечтать о встрече? К тому времени она уже кое-что узнала об этом человеке, и мысли о нем захватывали ее все сильнее.

Стр. 379

Почему-то часто думала о Высоцком, покупала пластинки, читала о нем, что попадалось в московской прессе. Он нравился ей все больше и больше, и как человек, и как творец. Похожих в ее окружении никогда не было. На фото он нравился ей как мужчина, в его песнях было что-то близкое и родственное ее бунтарской в прошлом натуре. Когда в Алма-Ату прибыл на гастроли театр на Таганке, она достала пригласительный. Они пошли с Ренатом. Он, кстати, тоже увлекся песнями Высоцкого, все же был неглуп и многое в жизни понимал больше, чем она, больше было жизненного опыта.

Высоцкий был в черной водолазке и черных брюках, с гитарой в руках. Спектакль назывался «Добрый человек из Сезуана». Она не слышала текста, не видела других актеров, только ОН один был перед ее глазами, такой близкий по песням и такой недостижимый по жизни. Они с мужем сидели рядом с проходом. Наступил момент, когда актер спрыгнул со сцены и пошел по проходу, шел, пел и играл на гитаре.

Проходя мимо, он взглянул на нее ласково и подмигнул. Как будто искра от него пробежала и вспыхнула в ее душе. С этой минуты Ксения пропала, она потеряла голову. У нее появилась параллельная мысленная жизнь, которая не соприкасалась с реальной.

Стр. 391

Мысли о Высоцком, мечта о встрече с ним не покидали ее. Да еще весной сон приснился. Она и Он на тесной кухне и целуются так страстно, как когда-то с Вовкой, и вдруг он говорит: «Жаль, что мы с тобой никогда не встретимся.» «Почему?» дико закричала она и проснулась. Длительная, все углубляющаяся депрессия постепенно овладела Ксенией. Ей стало все безразлично. Один Владимир жил в ее мечтах и призывал к жизни, манил мечтой о встрече.

Стр. 392-393-394

Шел 1980 год. Зашла в конце июля Салта, ее приятельница. Ксения стояла возле стола, молча положила перед ней газету, указала пальцем на короткий некролог и сказала тихо: — Умер Высоцкий. Ксения опустилась на стул. Наверное, она потеряла сознание.

Очнулась от того, что зубы стучали о край стакана с водой. Возле нее суетились Салта и Тимур. «Ну, все, жизнь кончилась», — мелькнуло в голове.

Муж у Салты был фотографом, и она каким-то образом умудрялась ему выписывать жутко дефицитные журналы: Фотография Англия и Фотография Америка. Через несколько дней после кончины Высоцкого она принесла Ксении в подарок большой и толстый журнал Америка. На всю обложку был великолепный портрет Высоцкого с гитарой. Внутри был текст о нем. Ксения была в шоке: в СССР — короткий некролог без фото, а в США — так достойно почтили память нашего советского человека. Как это понимать? Она попросила заведующего цехом размножения документов наклеить портрет на крагиус, ей сделали. Портрет хранился у нее много лет.

На автопилоте она прожила несколько месяцев. Но с ней произошла странность: после испытанного шока она начала писать стихи ушедшему из жизни Владимиру: «25 июля восьмидесятого года умер единственный в мире Володя...», «Нет безысходного горя, солнце сияет в саду...» «Скажут с ума я сошла, мертвого друга нашла. Будет ответ мой такой: нету живых под рукой.» «С того света нет поездов, самолетов нет с того света...» Душа изливала свое горе в строки. Причем, писались только «Письма к мертвому», так она озаглавила эту рукопись. Опять любовь, но теперь она не грозила разочарованием, ведь в этом мире встречи не будет.

Стихи стали ей опорой, они спасли ее на какое-то время. Она как будто общалась с душой умершего физически, но почему-то духовно-близкого и как будто живого человека. Скорее всего, она сама превратилась в душевнобольную, но никто об этом не подозревал, потому что она почти прекратила общение с людьми, все делала как сомнамбула.

Как-то случайно она попала в высотную гостиницу на Ленина, где на широком экране демонстрировался документальный фильм «Я ВОЗВРАЩАЮ ВАШ ПОРТРЕТ».

Показали последний концерт Высоцкого, он пел «Кони привередливые». Она еле дослушала, брызнули слезы, и Ксения выбежала из зала.

Стр. 405

Будучи не в себе (она же душевнобольная после смерти Высоцкого) от обиды и алкоголя она сняла обручальное кольцо, положила на прикроватную тумбочку. На журнальном столике лежало выстиранное белье, будто специально для задуманного.

Она связал три простыни, все же четвертый этаж, вышла на балкон, привязала верхнюю за перила, сняла туфли, ухватилась покрепче за простыню, перевесилась через перила, стала спускаться. Уже схватилась за вторую, когда узел развязался, и она полетела вниз... Вслед ей неся голос Высоцкого с магнитофона в соседней комнате: — «Чуть помедленнее, кони!..»

«Ты позвал меня, и я пошла...»

Ты позвал меня, и я пошла.
В бездну ступила босою ногой.
Так безрассудна и так смела,
Как никогда не была, дорогой.

Вот они близко, губы твои —

Падая, я задыхаюсь и плачу.
Слышатся в крике ворон соловьи...
Все бы могло обернуться иначе.

Но не судьба, не судьба, не судьба,
Ты бы ко мне никогда не пришел.
И, не дождавшись, любимый, тебя,
Падаю я, и мне так хорошо!

Послесловие

**Что происходит в XXI веке с
героем нашего времени
Владимиром Высоцким?**

Интерпретация статьи «Любимов лицом к стенке»

А происходит вот что. Дьявольский век рождает бесов. Похоже, бесы избрали для своего местожительства театр на Таганке, слава которого одна из самых прочных в русском театре, освободив для себя территорию. Для этого большим портретам самых значительных персонажей театра: основателя и гл. режиссера ЮРИЯ ЛЮБИМОВА и рожденного им совместно с Владимиром Высоцким ГАМЛЕТА, на которого толпами валили москвичи и приезжие — пришлось потесниться. «Портрет Высоцкого перекочевал в подвал рабочих. В публичном пространстве осталась одна фотография Высоцкого — сбоку на лестнице, ведущей на балкон. ВВ из статьи Огромный портрет Любимова в черном пальто и белом шарфе, висевший рядом с его кабинетом, стоит лицом к стене за дверью запасного выхода из театра, за женским туалетом. «Место ваше возле параша!» Апексимова. (от автора).

Дальше — страшнее. Столетию Юрия Любимова, связанного с Высоцким крепкими неразрывными узами творчества, посвящена премьера нового спектакля «Суини Тодд» с не иначе как издевательским подтекстом «Гамлет от брадобреев». Сей опус посвящен процветанию совместного бизнеса. История цирюльника, сбежавшего с каторги и ставшего успешным поставщиком человечины для пирогов своей квартирной хозяйки. Он режет глотки, хозяйка превращает покойников в начинки.

Пироги с человечиной расхватывают с пылу с жару... Смесь разудалой чернухи и приторной сентиментальности... Как дополнение страшного

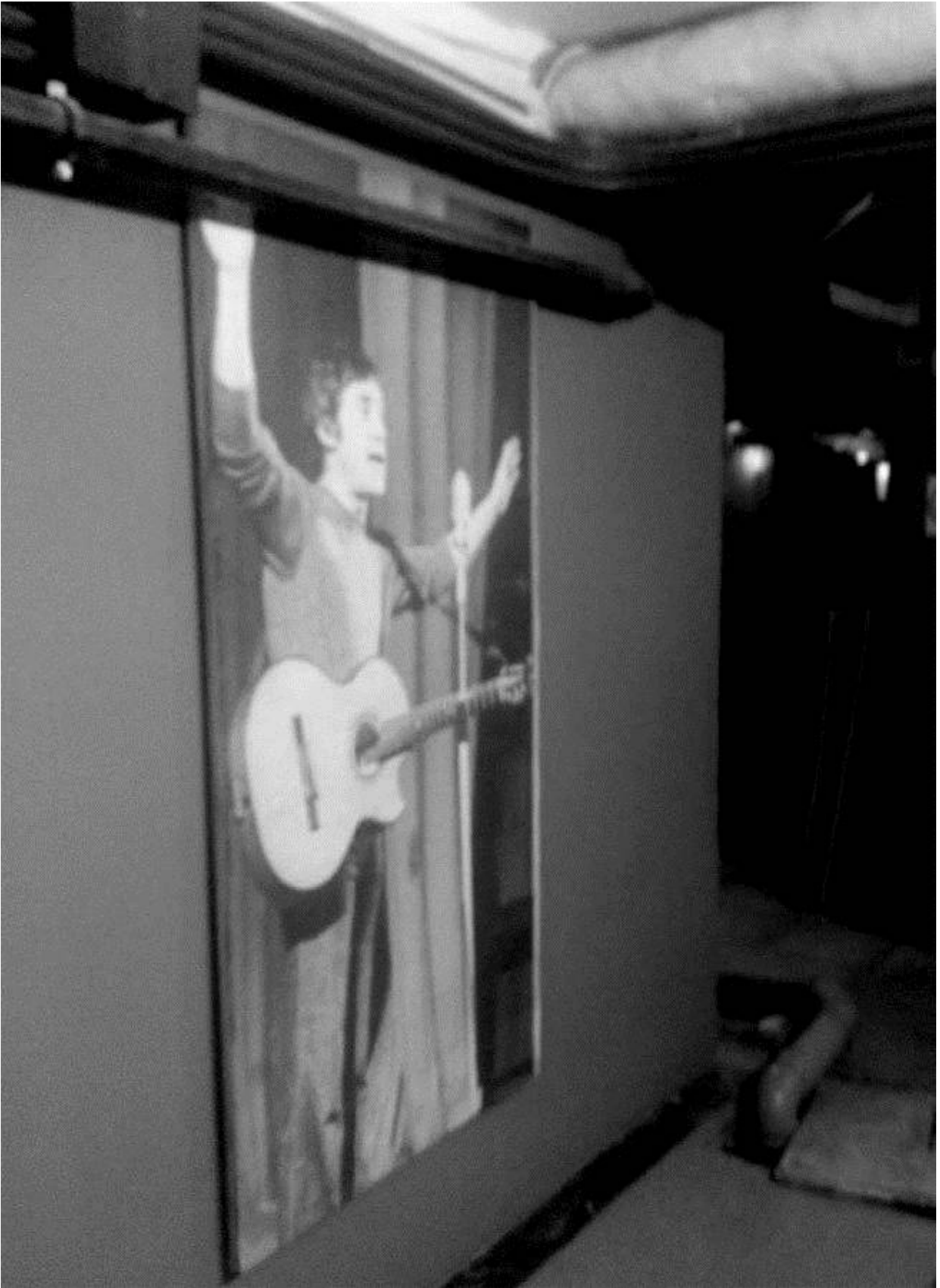
действия прямо в зал (оформленный под таверну) можно заказать бургеры «Дьяволенок» и «Дьявол». Уж не из человечины ли?

Под «маньяка» между делом попал и знаменитый любимовский спектакль «Владимир Высоцкий». В этом году 25 января зал был целиком демонтирован под декорацию «Тодда». И спектакль превратили в сырую литературно-музыкальную композицию, сшитую небрежно, наспех, в расчете на то, что голос Высоцкого соединит и удержит что угодно.

И как апофеоз статьи — из интервью Апексимовой последних лет: «...Самое любимое мое действо — концертная программа «Одесситка», где я пою. Это для меня — настоящий отрыв!» Вот и пойте, уважаемая бесовка, а также танцуйте «кан-кан», но только не на концертах памяти Владимира Высоцкого. Неприлично и некрасиво, как и все, что вы натворили с театром на Таганке. Это вас нужно вышвырнуть на свалку, за ваши бесовские деяния, а не гримерные столики знаменитых артистов Таганки.

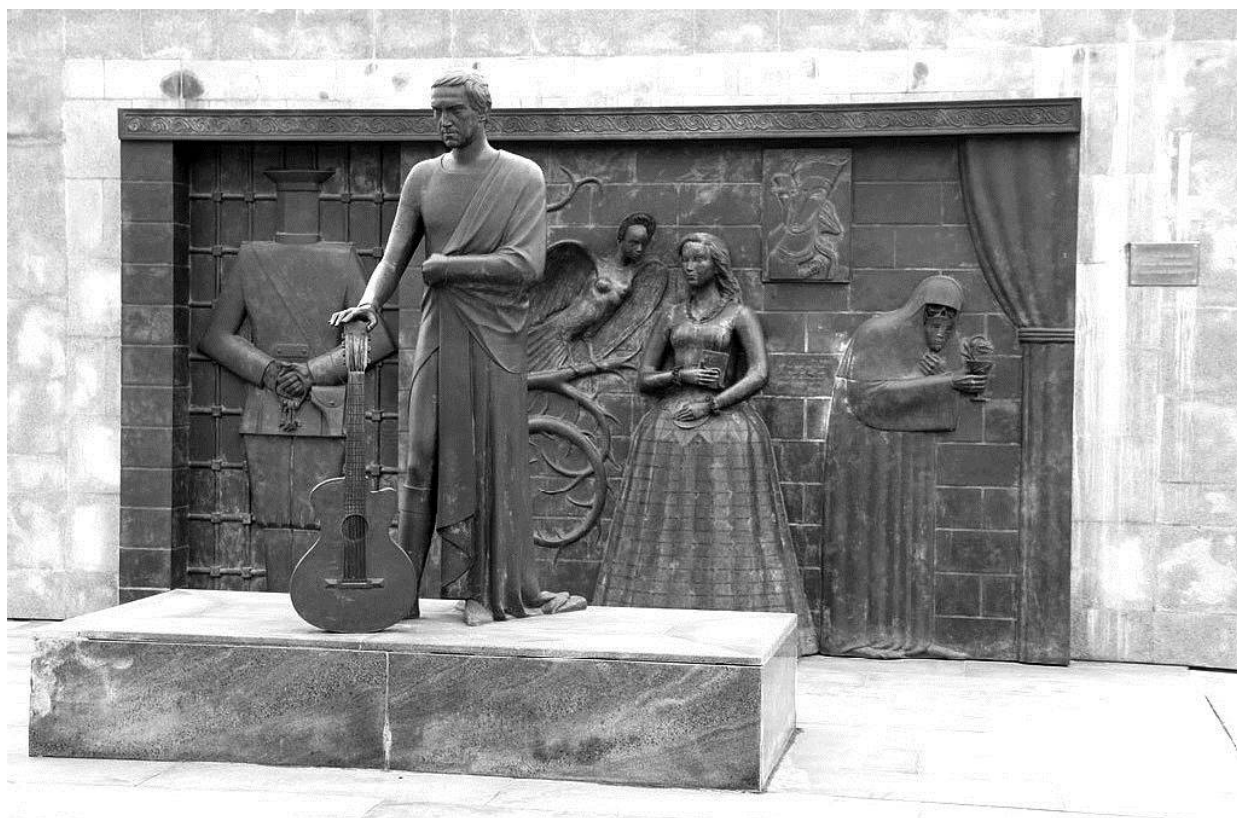
Загадили и гримерку ВВ. Вот такие пироги... с человечинкой от Апексимовой.

От автора: уважаемые сограждане, вам не напоминает название статьи о расстреле в застенках ЧК, НКВД и далее наших нашими? Не это ли произошло в театре на Таганке разрушителями во главе с Апексимовой?

Портрет В. ВЫСОЦКОГО в подвале (в застенке?)
родного театра на Таганке

Сергей Баймухаметов Змея подколодная на памятнике Высоцкому История далекая и близкая

Страна Россия и русский мир зарубежья отметили 70-летие со дня рождения Владимира Высоцкого. В Самаре открыт памятник работы скульптора Михаила Шемякина. Великий бард изваян в образе Гамлета. За ним — стена с аллегорическими фигурами. Саратовская писала так: «На бетонной стене бронзовые аллегорические фигуры стражника с ключами, птица вещая и Муза поэта, напоминающая Марину Влади».

Дабы не было различных толкований, приведу слова Михаила Шемякина из интервью, которые он давал

различным российским изданиям:

«Присутствует и образ жены Высоцкого, актрисы Марины Влади... Она у меня представлена со своей нашумевшей книжкой в руке, а из книжки выползает маленькая гадюка...»

Нетрудно представить, как воспримется эта аллегория теми, кто будет смотреть на композицию. Мало кто знает книги о Высоцком, пытается разобраться в том времени, в отношениях Высоцкого и Влади. Тем более — в их отношениях с коммунистической властью, с литературной властью и просто советскими поэтами-писателями.

Зато хорошо известен современный идеологический контекст — кругом одни враги.

Так и будут думать: вот она, змея подколотная, отравила жизнь нашего народного певца. ИНОСТРАНКА! Еще хуже, с русскими корнями. Эмигрантское отродье, предательница.

Те, от кого зависела установка памятника в Самаре, безусловно, интересовались, спрашивали Шемякина, что означает змея, выползающая из книги Марины Влади о Высоцком. Шемякин, наверно, объяснял. Он человек откровенный. И, значит, представители государственных и художественных организаций Самары все знали и видели. И согласны.

Скажу, как представляю себе роль Марины Влади в жизни и судьбе Владимира Высоцкого. Когда приводят слова песни, посвященной Марине: «Тобой и Господом храним», то имеют в виду жизнь житейскую, любовь и внимание, наконец, борьбу Марины за его здоровье. Особенно, когда она обнаружила, что Высоцкий употребляет еще и наркотики. А сочетание алкоголя и наркотиков — убийственно.

Я же о другом. Высоцкий был для власти, особенно в первые годы, автором подпольных полублатных песен. С ним можно было сделать что угодно. Вплоть до запрета

на профессию. Как это было с Галичем, известным, общепризнанным драматургом и киносценаристом, членом Союза писателей и Союза кинематографистов.

Официальный брак с иностранной гражданкой переводил Высоцкого в иной статус.

Тем более брак со знаменитой французской актрисой.

Марина Влади вступает в Коммунистическую партию Франции. Абсолютно невыезжному Высоцкому дают разрешение на поездки за границы СССР. Говорят, об этом хлопотал перед советскими партийными властями сам Генеральный секретарь ЦК Компартии Франции Жорж Марше.

Суть не в том, чтобы повидать Европу, мир. Высоцкого давно признали народ, улица.

Пусть не покажется кому-либо низким это слово. Но есть еще и внутрицеховое признание. Одно дело — роли в театре и в кино, песни на магнитофоне и даже на маленькой пластинке. Тебя твои коллеги считают одним из многих, таким же, как все, разве что с гитарой и песнями. И совсем другое — диск-гигант, вышедший не где-нибудь, а в Париже!

В 1966 году Высоцкий снимался в фильме «Вертикаль». (После этого вся страна запела: «Если друг оказался вдруг и не друг, и не враг, а так».) Он играл роль радиста, а роль врача играла Лариса Лужина. Она была знаменитостью — главная роль в фильме Станислава Ростоцкого «На семи ветрах», чуть ли не всю Европу объездила с этим фильмом. Рассказывают, Высоцкий пытался оказывать ей знаки внимания — но куда там!

«Ну что ей до меня, / Она была в Париже, / И сам Марсель Марсо / Ей что-то говорил».

Абсолютно искренние строки и чувства. Так и было. А теперь — диск-гигант в Париже.

«Имеют ли смысл пластинки, которые издаются «там» и не доходят сюда? Во-первых, очень даже доходят, — говорил на концертах Высоцкий. — Безусловно, они мало интересны французам, но не настолько мало, как вы думаете. Они интересны людям, которые вообще интересуются искусством, Россией. Они их беспокоят, волнуют так же, как и нас. Поэтому они так просят перевода слово в слово».

Любой талантливой личности, даже самовлюбленной, даже необыкновенно самодостаточной, необходимо признание таланта со стороны.

Высоцкий понимал, что к нему в литературной среде относятся свысока-снисходительно, что для литературного мира он был и остается актером, гитаристом, автором песенок. Вот его слова на концерте в подмосковном городе Долгопрудном: «Собираюсь ли я выпустить книгу стихов, если да, как она будет называться? Это не только от меня зависит, как вы понимаете. Я-то собираюсь.

Сколько я прособираюсь, не знаю. Сколько будут собираться те, от кого это зависит, — тем более мне неизвестно. Как будет называться — как вы понимаете, пока даже разговора об этом нет серьезного... Вы знаете, чем становиться просителем и обивать пороги редакций, выслушивать пожелания, как переделать строчки, лучше сидеть и писать».

Чувствуете давнюю обиду? И это ведь он говорил не в начале пути, а в 1980 году, в зените славы.

Благодаря Марине Влади Высоцкий попал в Америку, встретился с Иосифом Бродским. Бродский подарил ему книгу своих стихов с надписью: «Большому русскому поэту Владимиру Высоцкому». По словам очень близких людей, Высоцкий ее из рук не выпускал, всем показывал, говорил: «Ну посмотри же еще раз, Иосиф назвал меня

большим поэтом». А дома держал книгу Бродского рядом с томами Пушкина.

Марина Влади помогла Высоцкому получить признание со стороны, почувствовать значимость и значительность его личности. А это для художника — основа основ.

И теперь — змея подколотная?

Самое удивительное, что автор скульптурной композиции Михаил Шемякин признает:

«Если честно, Влади многое сделала для Высоцкого в последние годы его жизни».

Так почему же змея? Шемякин говорит откровенно: «У нас с ней всегда были сложные отношения. В своей книге «Владимир, или Прерванный полет» она допустила много лживых измышлений. Даже моя первая супруга обиделась, позвонила ей и спросила:

«Когда это ты Мишу пьяным на руках таскала? Такого же не было...» Вообще, книга ужасная... Однако со своей стороны я с ней рассчитался, хотя от такого шага меня отговаривали друзья. Вылепил ее великолепное изваяние с нашумевшей книжкой в руке. Но из книжки выползает маленькая гадюка...»

«Рассчитался». Значит, свел с Мариной Влади личные счета. Посредством памятника Высоцкому. И теперь памятник будет рассказывать потомкам о роли и значении Марины Влади в жизни и судьбе Владимира Высоцкого.

Комментарий

Интересная статья, умная, не простая, мнение автора не акцентируется на поступке Мих. Шемякина. Мы, читатели, должны сами решить, что это? Мелкая месть, унижающая заметную личность? Или есть в этом барельефе доля правды? Мое первое впечатление от

книги М. Влади «Владимир...» в первом издании было резко отрицательное при моей любви к ВВ и понимании его как личности двойственной: и сильной, и слабой. Но когда начались всяческие разоблачения со стороны писателей-биографов и передач на TV, какая-то дикая посмертная вакханалия, то книга мне представилась вполне человеческой и даже вызывающей жалость к непростой жизни известной и вполне благополучной русской француженки с нашим великим соотечественником Владимиром Высоцким, в быту обычным человеком, мужчиной и супругом со всеми достоинствами и недостатками. А насчет змеи подколодной — это слишком сильно и несправедливо, по моему мнению, сказано, ибо змея подколодная, по Ожегову, опасный, коварный человек. Разве можно сказать такое о Марине Владимировне, сестре милосердия при больном пагубным недугом человеке? На своем опыте прошла некоторый путь жизни с пьяницей. Никому не пожелаю. Моя благодарность автору Сергею Баймухаметову за его благородную отстраненность от осуждения того и другого героя своей статьи. Рассудят годы поступок друга Высоцкого. Многих уже рассудили. Любви и добра! Новых статей! Светлана.

*Светлана Ермолаева,
поэт, прозаик, автор 27 книг.*

Отзыв о моем самом первом сборничке «Мой Высоцкий»

Марком Цыбульским, писателем, который скрупулезно занимается биографией Высоцкого более 30 лет, в настоящее время проживающим в Америке, в Нью-Йорке, в российском издательстве был издан фолиант (813 страниц) обо всех выступлениях Владимира Высоцкого (в СССР и за рубежом). Книга с соответствующим содержанию названием «ПЛАНЕТА ВЫСОЦКИЙ» вышла в 2008 году (к 70-летию со дня рождения ВВ).

Что примечательно, в его книге нашлось место для упоминания скромного сборничка «Мой Высоцкий». В 1990 году профессиональная поэтесса Светлана Ермолаева, под псевдонимом Мощева, выпустила в Алма-Ате (Казахстан) сборник «Мой Высоцкий», куда вошло более сорока стихотворений, посвященных любимому поэту.

Хотя за годы, прошедшие со дня смерти Высоцкого, опубликованы многие тысячи стихов его памяти, сборник Светланы Ермолаевой уникален.

Во-первых, это были первые стихи памяти ВВ, увидевшие свет, а, во-вторых, это единственный случай, когда один автор создал столько произведений, посвященных ВВ.

Такая оценка незнакомого мне тогда автора была для меня большим счастьем. Мой сборничек заметили. И где? В США. Тогда как в СССР, кроме почитателей творчества ВВ, его появление прошло незамеченным. Ни одного официального отклика! Даже простого «спасибо» от близких людей Владимира, хотя автор передавала безвозмездно музею огромное множество материалов,

не считая пачек книжечки, которую оставляла просто так... благотворительно. Благотворительно.

Примечания

1

А памятник стоит на Тверском бульваре.

2

Астероид ВладВысоцкий.